

Воспоминания

Страницы о партизанской войне

Отснятые на ксероксе страницы рукописи воспоминаний Александра Павловича Константинова мне прислала его дочь Регина Александровна, проживающая ныне в отчем доме в городе Кашине Тверской области. Это был ответ на мою просьбу уточнить некоторые факты биографии одного из активных участников партизанского движения в Калининской области в период Великой Отечественной войны.

«Эти воспоминания не были опубликованы и хранятся в моем домашнем архиве несколько десятилетий, — пояснила она. — Отец работал над ними в конце 1960-х годов. Толчок дала мать, она все время повторяла: «Ты же знаешь о партизанском движении многое, знаешь историю, людей — ты должен всё написать». Отец говорил в ответ: «Хорошо!» — и так всё оставалось до следующего разговора. Но после трагической смерти матери он, видимо, понял, что пора осуществить задуманное. Работал много, долго, никого не посвящая в свою работу. Скрупулезно проверял факты, детали, названия деревень, фамилии — он вёл большую переписку с бывшими партизанами. Собирался ли печатать — не знаю, но очень дорожил своей работой, которая осталась в двух общих тетрадях, к сожалению, незавершенной...».

Александр Павлович Константинов родился 15 августа 1901 года в Ленинграде, из мещан. В 1906 году семья переехала в село Киверичи Теблешского района Калининской области. В 1918 году окончил Бежицкое реальное училище. Работал секретарем Киверичского волостного комитета бедноты, заведующим земельным отделом волисполкома, учителем начальной школы. Добровольно вступил в Красную Армию, воевал на Юго-Западном фронте. Демобилизовавшись в 1921 году, работал учителем, заведующим школой второй ступени. С 1932 года семья

А. П. Константинов. 1944 г.

жила в городе Кашине, где Александр Павлович преподавал в зооветеринарном техникуме. Одновременно учился заочно на физико-математическом факультете Московского государственного педагогического института, который окончил в 1939 году.

В августе 1941 года А. П. Константинов был утверждён заведующим военным отделом Кашинского райкома ВКП(б). Отправив жену с двумя дочерьми на восток, он, в условиях угрозы фашистской оккупации района, занимался созданием партизанских баз. Но, к счастью, враг был остановлен, а в середине декабря 1941 года советские войска освободили Калинин. Семья вернулась из эва-

куации. Старшая дочь Ина в июне 1942 года закончила среднюю школу и уехала погостить к знакомой. А через несколько дней родители получили от неё письмо: «Я счастлива! Помните это... Я иду в отряд...». Ина добровольно вступила в партизанский отряд, сформировавшийся в Калининe, и уже в конце июля в составе 2-й Калининской партизанской бригады под командованием Г. Н. Арбузова ушла на оккупированную немцами территорию в качестве разведчицы.

Узнав об этом, 15 августа 1942 года написал заявление о добровольном вступлении в ряды народных мстителей и А. П. Константинов. В письме жене он так объяснял ей свой поступок: «Неужели бы ты хотела, чтобы на твоего мужа указывали пальцем и говорили, что он скрывается в тылу, когда большинство проливают свою кровь... Неужели ты бы хотела иметь мужа «шкурника», прячущегося за спины других... Наконец, родная, посмотри на эти реки крови и слез, на эти моря народного горя, и неужели у тебя не возникает мысли о том, что все мы должны что-то сделать для того, чтобы уменьшить их...».

Александр Павлович с группой партийно-хозяйственного актива был направлен во 2-ю Калининскую партизанскую бригаду, вернувшуюся к тому времени из рейда по тылам врага, где встретился с Иной в начале сентября. А через несколько дней бригада в составе 1-го Калининского партизанского корпуса вновь ушла в тыл противника и действовала на территории Пустошкинского, Идрицкого, Кудеверского и других районов до встречи с частями Красной Армии.

С сентября 1942 г. по октябрь 1943-го А. П. Константинов воевал в должности заместителя командира бригады по разведке. Вот строки из характеристики, составленной осенью 1943 года по случаю представления его к внеочередному воинскому званию «майор»: «Руководя разведслужбой бригады, организовал агентуру на важнейших объектах района, доведя её количество до 150 человек, активизировал работу разведподразделения бригады. Так, только с марта по ноябрь 1943 года партизанской разведкой для Красной Армии взято четыре «языка»-немца и 57 солдат из изменников, в 30 случаях захвачены документы, по которым раскрыты вражеские дивизии.

Провёл большую работу по разложению вражеских формирований из изменников. Так, за это время переведено на сторону партизан из вражеских гарнизонов 95 солдат с оружием и 152 — без оружия..»

2 октября 1943 года А. П. Константинов был назначен комиссаром 2-й бригады, в начале ноября штаб бригады и три отряда её соединились с частями Красной Армии. Вскоре, при нападении противника, Александр Петрович был ранен и эвакуирован в тыл. После излечения служил в должности заместителя начальника отдела связи Калининского штаба партизанского движения.

Ина Константинова продолжала воевать в тылу врага. Дело в том, что четыре отряда 2-й бригады под общим командованием В. М. Плешкова продолжали действовать на оккупированной территории. Ина, находившаяся в отряде имени М. В. Фрунзе, с группой разведчиков в марте 1944 года оказалась в окружении карателей. Силы были слишком неравные: кому-то надо было уходить, кому-то прикрывать отход. Ина скомандовала: «Уходите, я прикрою!» — и приняла бой. Очередями из своего автомата задержала карателей, но и сама была сражена вражеским свинцом. Ее имя стало широко известно в нашей стране после того, как в 1945 году в «Комсомольской правде» был опубликован очерк Ольги Четчиной «Девушка из Кашина».

В сентябре 1944 года А. П. Константинов был направлен в распоряжение Кашинского райкома партии, возглавил военный отдел райкома. В дальнейшем вся его жизнь была посвящена педагогической работе — до выхода на пенсию он преподавал в Кашинском сельскохозяйственном техникуме. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и другими.

Регина Александровна превратила дом отца в Кашине, на улице Ины Константиновой, в музей, где сохраняет все в том виде, как было при жизни Ины, создав целую экспозицию о сестре-героине, её боевых друзьях, о тех, с кем она училась, дружила, защищала Родину. Несколько лет назад издала книгу «За строкой дневника» — это тоже память об отце и Ине.

Партизанскую войну Г. К. Жуков назвал вторым фронтом, таковой она и была на калининской земле. А. П. Константинов показывает её без прикрас, как тяжёлую и трудную работу. Любовь к Родине, верность патриотическим идеалам, глубокая связь с населением временно оккупированной территории помогали партизанам одолевать сильного и коварного врага. Особый интерес вызывает описание тех боевых операций, в которых автор принимал непосредственное участие, его взгляды и размышления о лю-

дях, с которыми приходилось встречаться и воевать.

С разрешения Регины Александровны мы публикуем воспоминания А. П. Константинова. Стиль автора максимально сохранён. Пунктуация приведена в соответствие с современными правилами. Текст разбит на несколько частей, каждой из которых дан заголовок. Общий заголовок также предложен нами. Некоторые пояснения даны в примечаниях.

Н. В. Никитенко

А. П. Константинов

Как это было...

(Записки заместителя командира 2-й Калининской партизанской бригады по разведке)

«Мы на своей земле!»

...Тёмная сентябрьская ночь. Тихо. По небу медленно ползут тяжелые свинцовые тучи. Изредка моросит мелкий дождь. Едва-едва виден силуэт идущего впереди человека. Сзади слышно лишь прерывистое дыхание, да, изредка, хруст ветки под ногой.

В течение трёх часов без остановок мы идём друг за другом, проклиная в душе окружающую нас тишину.

Вдруг где-то справа и сзади белой нитью протянулась в небо ракета, на несколько секунд загорелась ярким шариком, и, медленно опускаясь, рассыпалась. Через минуту в том же направлении прострелотал немецкий автомат. Слева ему ответила винтовка. И мы видим, как на чёрном небе прочертила красную дугу трассирующая пуля. И снова все замерло.

Проходит ещё несколько томительных минут. И опять справа ракета, и слева — винтовочный выстрел. Но теперь уже красная ниточка обрывается где-то над нашими головами.

Впереди идущий шепотом передаёт команду: «Подтянуться! Не шуметь на воде!» Через пару минут впереди слышен лёгкий всплеск. Берег довольно крутой. Спускаюсь, держась за прибрежный кустарник. Вода, холодная осенняя вода, затекает в сапоги, под-

нимается выше колен. По телу пробегают неприятные мурашки. Осторожно бреду по воде, ориентируясь на изредка вспыхивающий зелёный свет фонарика. Река кажется бесконечно широкой. Наконец, слышу шёпот: «Сюда» и мою руку подхватывает чья-то рука и тянет вверх. Стараюсь на ходу вылить воду из сапог, для чего на каждом шагу высоко поднимаю ногу и сгибаю в колене.

Проходит ещё 10–15 минут, и я натякаюсь на спину человека. Остановка. По цепочке приказание: «Командиры и комиссары отрядов — в голову колонны! Людям сесть!». Медленно пробираюсь вперед вдоль линии сидящих плечо в плечо людей. Слышу приглушенный разговор и вижу головы, склонившиеся над картой, освещаемой прикрытым рукой фонариком.

Командир корпуса Разумов¹ узнаёт меня и говорит: «Поздравляю с благополучным переходом линии фронта. Мы в тылу противника».

Эта картина и сейчас стоит перед моим взором. С тех пор прошло много лет. Перелистывая страницы старой истрёпанной книжки, я шаг за шагом восстанавливаю в своей памяти лица и события тех дней, когда мы, по существу небольшая горсточка советских людей, перешли линию советско-германского фронта и углубились в тыл противника для

того, чтобы принять участие в борьбе нашего народа против ненавистного врага.

В ночь с 10 на 11 сентября 1942 года 1-й Калининский партизанский корпус в районе западнее Усвят, где-то на границе Смоленской и Витебской областей, перешёл линию фронта и углубился в тыл противника. Всего нас было около 600 человек. 1-я, 2-я и 7-я бригады калининских партизан были объединены в корпус² под командованием капитана Разумова, волевого и смелого командира. Комиссаром корпуса был батальонный комиссар Алексей Иванович Штрахов³, полный сорокалетний мужчина, всегда весёлый, улыбающийся. Высококультурный человек, до войны работавший в одном из наших консульств в Испании, владеющий несколькими языками. Он был всегда интересным собеседником и часто на привалах рассказывал партизанам о своей работе за границей. Позже я близко с ним познакомился и навсегда сохранил к нему хорошие чувства солдатской дружбы.

Начальник штаба корпуса майор Веселов⁴ — очень живой и подвижный, общительный строевой командир. Как сейчас вижу его складную фигуру на небольшой гнедой лошадке, проезжающего вдоль цепочки устало бредущих людей, шутящего, с напускной строгостью покрикивающего на отстающих. В марте 1943 года Веселов во главе группы подрывников под ураганным огнём противника вышел на Савкинский мост (Идрицкий район) и был убит. Имя Веселова носила 6-я Калининская бригада т. Рындина⁵.

Наша бригада тотчас же по переходе линии фронта получила приказ выйти в голову колонны, организовать разведку маршрута и выполнять роль головной походной заставы.

Линию фронта наш корпус переходил с проводником из местных крестьян, который, выполнив свой долг, спешил до наступления рассвета вернуться к себе. Мы с огромной благодарностью пожали руку этого отважного старика и пожелали ему счастливого пути. Через секунду его фигура скрылась в темноте сентябрьской ночи.

...Командир корпуса указывает нам маршрут и предупреждает, что до рассвета мы должны отойти еще на 10–12 километров и на дневку расположиться в намеченных им

деревнях, которые предварительно должны быть разведаны.

Разговор с Разумовым занял не более 20 минут. Бригада вытянулась в голову колонны. Командир бригадной разведки Вася Смирнов уже направился вперед со своими разведчиками.

От бойца к бойцу шепотом приказ: «Поднимайся, не отставать!». Тов. Разумов идёт вместе с нами в голове колонны. Через каждые 15–20 минут, накрывшись плащ-латкой, мы сверяем маршрут с картой. Так движемся около часа. Если верить карте, мы должны уже войти в хвойный лес, но вокруг нас все еще невысокий кустарник с редкими небольшими березками и отдельными купами ольхи. Леса все нет и нет. Командир снова разворачивает карту, кладет на нее компас. Всё как будто правильно, а до леса мы ещё не дошли, хотя, судя по времени, мы должны были его пройти.

На карте указана лесная дорога, а мы движемся по какой-то еле заметной тропочке. Что это — или неточность карты, или мы уклонились от маршрута? Скорее последнее. Посылаем по два человека вправо и влево. Через 5–10 минут люди возвращаются и докладывают, что дороги нет. Теперь Разумов встает и громко: «Нет — так и нет. Мы на своей земле. Следовать за мной!». Люди быстро вскакивают и, несмотря на страшную усталость, — мы прошли уже около 30 километров с нагрузкой в 16–20 килограммов на каждого — бодро, перебрасываясь вполголоса шутками, движутся за командиром.

Вскоре вернулся связной от разведки и сообщил, что разведчики достигли первой деревни по маршруту, немцев нет, в деревне ждёт проводник. Эта весть ещё более приободрила людей. К тому же колонна вошла в лес. Объявляется 10-минутный привал и решение осторожно курить.

Приближается рассвет. Лес становится реже, дорога выходит на поле, а там уже обозначаются силуэты каких-то строений. Мы вышли к намеченным населённым пунктам. Бригада разместилась в указанной ей командиром деревне. Для многих из нас это было начало первого дня пребывания в тылу врага. Правда, среди нас всё же было больше людей, которые не первый раз переходили линию фронта⁶.

Мне хотелось знать, как чувствуют себя те, кто первый раз оказался за фронтом. Обхожу хагы, где расположилась бригада. Не спят только часовые и начальник караула. Бойцы — кто на разостланной на полу соломе, кто на скамье, а кто просто на полу, положив голову на вещевой мешок, крепко спали, обхватив руками своё оружие. И только вот это положение оружия служило признаком некоторой настороженности людей. Мне казалось, что первое время некоторые будут нервничать, пока не свыкнутся с обстановкой. Но мои опасения оказались напрасными. Наш народ чувствовал себя на своей земле, как сказал командир корпуса.

Успокоенный, довольный тем, что так ошибся в людях, я направился к дому, где располагался штаб бригады.

Ина⁷ уже приготовила постель, разостлав на полу несколько снопов соломы, и крепко спала рядом со своими подругами Лидией Благодарёвой и Наташей Шаровой. Я устроился около дочери, но, несмотря на усталость, долго не мог уснуть.

Я лежал и думал о нашей молодёжи. Вот хотя бы эти 70–80 юношей и девушек, которых я только что видел спящими и бодрствующими, пришли сюда из разных сел и городов Калининской области. Многие из них ушли из старших классов школ, с заводов и фабрик, из учреждений; от домашнего очага, от семьи, от веселой и содержательной жизни, от домашнего уюта, покоя. Что руководит ими, почему так страстно стремятся они сюда, за линию фронта? Стремление к новому, неизвестному свойственно юности. Но новое и неизвестное окружает нашу молодёжь и по ту сторону фронта, на Большой земле. И там много путей, средств и возможностей познать новое и неизвестное. Жажда подвига? Но подвиги каждый день совершают наши солдаты и офицеры. И все эти молодые люди могли бы стать в ряды армии. Любовь к Родине? Но, любя Родину, можно защищать ее не только в тылу у немцев. Много раз я говорил по этому поводу с ребятами и девушками в бригаде...⁸

...9 сентября наша бригада выступила из деревни Урицкое, где-то недалеко от Куньи — основной партизанской базы — и направилась к Усвятам. Двигаясь двое суток

через населённые пункты Церковище, Глазуново, Антропово, Алексеево, Плавейсты, Хмельник, Шаврово, к ночи 11 сентября вышла в район деревни Ярыгино и без выстрела пересекла линию фронта. Утром 11 сентября мы остановились на дневку в деревне Вашки. Но задержались здесь до 16-го, ведя в эти дни разведку на железной дороге Невель — Полоцк на участке между станциями Клястицы — Новохованск. На этой дороге было намечено положить боевое начало рейда нашего партизанского корпуса по тылам противника.

Объектом для нападения нашей бригады была железнодорожная станция Железница, которую, по сведениям нашей разведки, охранял гарнизон 30–50 человек, вооружённых двумя станковыми пулемётами, дзот и хорошо укрепленная казарма, где размещался гарнизон. Задача: уничтожить гарнизон, взорвать дзот, сжечь казарму и подорвать стрелки на станции. Отряду т. Лесникова поручена казарма, отряду т. Тяпина — дзот. Тщательно отбираем с комбригом людей в ударные группы по всем объектам. Командиры подразделений проверяют оружие, знание обязанностей каждым из бойцов групп. Провели даже маленькую репетицию вблизи деревни Вашки. Казалось, предусмотрели каждую мелочь.

Утром 16-го вызывает меня командир бригады и говорит: «Александр Павлович, не знаю, что и делать. Только что твоя дочка устроила мне скандал. Требует обязательно включить ее в состав твоей ударной группы. Дело дошло до слез, так как другие аргументы оказались несостоятельными. Но мы же решили девушек оставить в прикрывающих группах!». Я улыбаюсь: «Уж если дело дошло до слез, то надо уступить. Я возьму её к себе».

После полудня бригада выступила из деревни Вашки и двинулась к Железнице лесами, держа направление на деревню Колоницы, что в трех километрах южнее железнодорожного разъезда. До деревни добрались уже поздней ночью. С большим трудом разведчики нашли проводника. Было досадно, что уходило время, а мы ещё были далеко от цели.

Двинулись к Железнице. Через каждые 15–20 минут останавливались. Проводник

потерял ориентировку и очень неуверенно шёл. Наконец, уже перед рассветом вышли к разъезду около самого семафора. И здесь-то случилось самое неприятное. В темноте люди не заметили тросов, идущих от станции к семафору, и кто-то зацепился за них. Тотчас раздался звон. Это немцы навешали на трос пустые банки из-под консервов. Этой «мелочи» не заметили наши разведчики, и о ней не предупредил проводник, который, кстати, доведя нас до железной дороги, ушёл обратно.

Изменить ничего уже было нельзя. Стараемся быстрее выйти к строениям на самом разъезде. Я со своей группой иду впереди отряда т. Лесникова. Вот на фоне серого неба показалась крыша какого-то строения. Остановил людей. Подхожу к Лесникову и говорю, что это и есть казарма. Мы поползли к ней, а отряд должен развернуться полукольцом, в случае необходимости прикрывать нас. Ждём пять минут. Слышно лёгкое шуршание. Это люди Лесникова расходятся по своим местам. Со мною идут Коля Дудушкин и Ина, задача которой прикрывать нас в случае, если противник откроет огонь.

Подползаем к какой-то ... доске. Оказывается, что это забор, сделанный из бревен в два ряда, между которыми засыпана земля. Тихо пробираемся вдоль забора ближе к казарме. Кое-где видны амбразуры. Подходим к самой казарме. Тихо до звона в ушах. Дудушкин предлагает бросить в окно казармы гранату. Стоим и ждем еще пару минут. Рассвет приближается. Время не ждёт. Ина подходит к виднеющейся двери казармы и легко открывает её. Входим. Всюду пусто. Коля включил фонарик. Большая комната и по стенам нары, покрытые соломой. Кое-где брошенные серые немецкие одеяла. Входит Лесников, а с ним — трое-четверо партизан. Удрали, говорю, немцы. Надо сообщить командиру бригады. Посылаем связного. Одни тщательно проверяют казарму, а другие уже выбрались на станционные пути и закладывают заряды под стрелки.

Выхожу на улицу. Лесников говорит, что в одной из комнат казармы обнаружен старик — железнодорожный служащий с женой. Приказываю помочь вынести их имущество из дома и приготовить всё для поджога казармы. Железнодорожник объясняет,

что немцы ночью забрали своё имущество и куда-то спешно ушли. Я объясняю ему положение и рекомендую на время уйти на опушку леса, так как немцы, возможно, начнут обстреливать казарму.

В это время на другой стороне разъезда медленно поднимается зелёная ракета — приказ зажечь казарму и начать подрыв стрелок. В тот же миг заработало несколько пулемётов, одновременно раздалось несколько взрывов на территории станции, а в окнах казармы блеснуло пламя. Подаю сигнал отхода. Треск пулемётов слышен не только со стороны дзота, но и по всему лесу. Некоторые ребята растерялись. Объясняем, что немцы стреляют разрывными пулями и их разрывы слышно на опушке леса.

Со стороны дзота слышен сильный взрыв. Один из пулемётов еще продолжает вести огонь, но вторая противотанковая граната прекращает его работу. Подхожу к Лесникову. Он с командирами взводов проверяет людей. Нет троих с комиссаром отряда. Проходит минута, другая — и появляются отставшие. Светает. Отправляемся по намеченному маршруту. Начинается дождь, сначала мелкий, моросящий, затем — крупный и очень спорый. Через час все уже до нитки промокли, но настроение приподнятое, боевое — первый бой выигран.

Утром 18 сентября бригада пришла в деревню Большие Залог, где и остановились на дневку. Весь день люди провели в деревне — обсушивались. Мы с комиссаром бригады тов. Лекомцевым⁹ и секретарем подпольного райкома ВКП(б) Александровым¹⁰ провели беседу о положении на фронте, о делах в советском тылу. Другие партработники провели в этот день собрания в деревнях Малые Залог, Башмаково, Заволчиха. Надо было видеть, с каким, я бы сказал, страстным вниманием, жадностью, слушали нас и старики, и молодёжь. Плакали не только женщины. Я видел, как украдкой, отворачиваясь от взглядов соседей, вытирали слёзы пожилые мужчины. После собрания один из стариков рассказал мне, что уже вот как они «похоронили» Москву. Волостной старшина приезжал несколько раз с полицией, с приказами об установлении «нового порядка» и говорил, что Красная Армия разбита, что воюют

только коммунисты, и тех немцы загнали за Волгу. А тут вот газета «Правда» за первое сентября, «Пролетарская правда». Значит врут все немцы, а это не от хорошей жизни.

Одной из наших задач было укрепить в сознании нашего населения, оказавшегося на оккупированной врагом территории, уверенность в нашей победе, посеять недоверие к фашистам и их ставленникам, к «новому порядку».

К вечеру разведчики привели в штаб бригады двух молодых крестьян, пожелавших вступить в партизаны.

С наступлением темноты выступили в направлении населённого пункта Перевоз, где бригада должна была перейти реку Ущю. Мост на реке был разрушен, а нам предстояло переправить не только людей, но и три-четыре повозки с боеприпасами, которые шли с нами. Ещё накануне разведчики перегнали с озера Дрисса старую лодку, которая и послужила нам основным средством переправы нашего обоза. Большая часть людей перебралась по переброшенным на обломки моста доскам и бревнам. Переправа задержала нас в Перевозе до утра.

Непрерывно действовавшая на маршруте бригады разведка доложила, что в деревне Мамоли людям готовится горячая пища, а население деревень Мамоли и Авсюково извещено о проведении там собраний. Спешим на собрания. Повторяется то же, что и в деревне Залог. Только в Мамоли в наши ряды вступило уже около 15 человек, причём большинство из них — пожилые мужчины. Командование бригады решило сформировать из этих людей хозяйственный взвод, оставить его на месте и поручить ему ряд хозяйственных дел, среди которых одним из главных был сбор оружия.

Пообедав и отдохнув, мы во второй половине дня 19 сентября двинулись дальше на северо-запад, и к вечеру разместились в деревнях Ерастовка — Юраси.

Весь день 20 сентября продолжала работать наша разведка. В наш район подтянулись другие бригады. Отряд Лесникова передвинули в деревню Беззубенки, освободив Ерастовку для штаба корпуса. Началась подготовка операции против крупного немецкого гарнизона в населённом пункте

Чайки. Усиленно работала разведка всех трёх бригад. Наша бригада получила приказ передвинуться к озеру Язно и перекрыть шоссе Невель — Россоны.

21 сентября я получил приказ о назначении меня заместителем командира бригады по разведке. Это было в деревне Воробьи Пустошкинского района Калининской области. Здесь же получил приказ командира корпуса немедленно разведать дорогу Сутоки — Чайки и определить место засады на этой дороге, чтобы отсечь возможность переброски подкрепления в Чайки из гарнизона Сутоки. Один из отрядов нашей бригады должен был организовать эту засаду.

С командиром взвода разведки Васей Смирновым отбираем людей. Оставляем во взводе все тяжелое имущество, мешающее движению, и налегке отправляемся в путь. Идем днем, так как до вечера мы должны выполнить задание и через связного доложить командованию бригады, которая за это время передвигается в район деревни Белая. До заданного района километров 12–15, и путь проходит по лесисто-болотистой местности. Преодолеть его трудно за короткий срок, принимая во внимание необходимость скрытного передвижения. Повсюду можно напороться на отряды немцев и полиции, что было весьма нежелательно, так как могло насторожить врага и помешать намечаемой операции. Чтобы сократить путь, решили переехать озеро Язно на лодке.

За полчаса до выхода всей группы посылаю Ину и Лиду Благодареву в деревню Веселки на берег озера Язно для подготовки лодки. Когда мы пришли к Язно, у берега стояли две лодки и на каждой по гребцу-подростку, которые должны были отогнать лодки обратно. Через какие-нибудь полчаса мы были уже на другом берегу и двинулись к намеченному пункту. Зашли только, и то вдвоём с Васей Смирновым, в деревню Белая, куда должна была придти бригада к вечеру, и взяли проводника.

Небольшого роста, с торчащей как-то вперёд маленькой седенькой бородкой и редкими взлохмоченными волосами, наш проводник оказался весьма общительным и смелым человеком. Выспрашивая нас о положении на Большой земле, он очень зараз-

ительно смеялся, выражая свою радость нашим успехам и часто повторяя: «Ах, ехидны иглистые!» — по адресу немцев. Когда мы сели отдохнуть, старичок подробно рассказал нам о том, как немцы вводят «новый порядок», какие блага обещают тем, кто будет сотрудничать с ними и, в особенности, тем, кто будет сообщать им о партизанах. Между прочим, немцы обещали таким людям в виде вознаграждения табак и водку. У деда, как и у всех в тылу противника, с табаком было плохо, и он с большим удовольствием курил наш, которым мы запаслись и пока ещё не успели выкурить. Свои рассказы о немцах дед заполнял массой шуток и терминов на местном наречии, что вызывало у нас много веселья.

Ина обратилась к старику с вопросом:

— Дедушка, а Вы не знаете шолоховского деда Шукаря?

— А что, дочушка?

— Да Вы уж очень на него похожи.

— Про Шалахово¹¹ слыхал. Это, почитай, 15 вёрст от нас. А вот о Шукареве не знаю, а должен быть хороший человек!

— Почему же хороший?

— Да ты же сама сказала, дочушка, что на меня похож.

Так мы подошли к деревне Богородицкий угол. Отсюда мы должны были действовать самостоятельно, и наш проводник стал свободен. Но деду явно не хотелось уходить. И когда мы оставили трёх человек для наблюдения за деревнями Избище, Артемково и Богородицкий угол, старик остался с ними. И, как выяснилось позже, он всю ночь пробыл в засаде с нашим отрядом. Я не могу себе простить, что не записал имени этого русского человека. Как часто после мы с Иной с теплым чувством вспоминали его, его крылатые словечки, его «ехидны иглистые».

Ещё не село солнце, как к нам прибыл один из наших отрядов и с ним командир бригады Петр Васильевич Рындин. Он быстро разместил людей на выбранном нами месте, сам проверил, как заложены мины на дороге. Я со своими разведчиками занимал резервную позицию, и люди как раз маскировали её.

В это время слева от нас началась усиленная стрельба. Заработали тяжёлые немец-

кие пулемёты. Это наши напали на Чайки. Бой разгорался с каждой минутой. Где-то ближе к нам «заработал» и наш «Максим». Вот-вот от Суток появится поддержка чайкинскому гарнизону. Проходит с полчаса, и справа послышался далёкий гул приближающихся машин. Бой в Чайках стал затихать, а шум моторов от Суток всё приближался.

В это время наблюдатель, сидевший на дереве, доложил, что в сторону Чаек видна красная ракета. Надо ждать двух зеленых и тогда отходить. Таков приказ. Приказываю наблюдателю следить и объясняю, что должны быть две зеленые подряд. Но в этот момент справа, где находится группа комбрига, раздался взрыв, заработал автомат и несколько винтовок. Прошло с полминуты — и снова взрыв противотанковой гранаты, а за ним — несколько взрывов ручных гранат и стрельба. Наблюдатель кричит, что снова красная, а за ней — две зелёные ракеты. Послал связного к комбригу, а от него уже бежит боец с приказом отходить. Через двести метров сошлись с комбригом. Петр Васильевич говорит, что шли две грузовые крытые машины, которые и были подорваны на минах и добиты гранатами. За ними идут, судя по звуку моторов, танки, но они еще далеко. Приказ отхода был дан дважды.

Командиры проверили людей, и мы двинулись в обратный путь. Со стороны Чаек раздавались отдельные выстрелы, слышен был шум моторов. Люди досадовали, что им не разрешили посмотреть поближе на дело рук своих.

Ночь тёплая и тихая. Всё дальше шум немецких моторов. Всё спокойно кругом. Короткий привал. Впереди в двухстах метрах маленькая деревушка Пухарица. Иду со своими разведчиками, чтобы взять проводника. Подходим к крайнему дому, я замечаю, что кто-то выглянул из-за угла и исчез. Посылаю бойца в дома слева, а сам захожу справа. У стены прижался человек. Кто такой?

— Свой, малыцы, свой!

Это подросток лет 16–17 из этого дома. Никто в деревне не спит, хотя огня не зажигают. Все прислушиваются к звукам боя, смотрят на зарево пожара в Чайках. Как только подтянулся отряд, вся деревня — от мала до велика — собралась к нам. Передают, что

летом недалеко от этих мест воевали наши, которых сбросили с самолётов. Что их было чуть ли не тысяча человек и что немцы все маленькие гарнизоны объединили вместе.

Мы от души посмеялись, слыша эту легенду о красном десанте. Это был рейд нашей бригады в июле месяце под командованием комбрига Арбузова Г. Н.¹² В этом рейде и погиб наш комбриг старший лейтенант Арбузов, передав командование П. В. Рындину.

Наш бригадный комсорг Нина Салазко¹³ коротко рассказала людям об этом рейде, о положении на фронте и призвала молодёжь вступать в партизанские отряды. Тот молодой парнишка, который первый встретил нас, сам вызвался пойти в качестве проводника. И надо сказать, что свою роль он выполнил блестяще — и через пару часов вывел к деревне Лашково, миновав болота и низины. В октябре он с группой своих товарищей пришёл в отряд Александрова.

На рассвете 23-го мы уже входили к своим Воробушкам — как ласково называли бойцы приютившую нас деревню Воробы. И здесь нас ждали горячо натопленные бани, о чём позаботился начальник штаба бригады П. К. Котляров¹⁴ и начальник медицинской службы Ю. Новосёлова, которые ещё ночью вернулись из-под Чаек с другой группой бригады. Строгий приказ: не помывшись в бане, в хаты не входить. Юлия Алексеевна со своими помощницами — медицинскими сестрами зорко следили за выполнением этого приказа. Кстати скажу, что благодаря высокой требовательности нашего медперсонала, несмотря на подчас ужасные антисанитарные условия жизни партизан, случаи сыпняка в нашей бригаде были единичными, и те благодаря заботе наших медиков кончались благополучно.

Помывшись и хорошо поужинав, люди отдыхали. Не отдыхала только разведка. Ещё с пути следования к Воробьям, я выслал в направлении Шалахово и Лешни, где были немецкие гарнизоны, разведку. Ночью разведчики вернулись и доложили, что в Шалахово из Пустошки прибыл отряд немцев с пулемётами. Расположились около деревни, а со стороны Лешни к озеру Язно движется на повозках подразделение в составе около роты. Посылаем с донесением в штаб кор-

пуса связного и уже через полчаса получаем приказ: одним отрядом занять деревню Веселки на берегу озера Язно, перекрыть шоссе Невель-Россоны. А второй отряд выдвинуть в деревню Клиновое. В деревне Морозово, что на берегу озера Язно, выставить пост наблюдения за озером и переправой через реку Язницу.

С рассветом все были уже на местах.

Отряды 3-й бригады выдвинулись в район Чайки — Белая — Лашково. Стояла прекрасная тёплая погода. Поднявшееся солнце начало пригревать. Любители поспать расположились на песчаной сопочке среди редкого соснового лесочка и начали уже дремать. Но вот эту благостную тишину и покой разорвал залп, а за ним заговорила пара ручных пулемётов. Где-то близко начался бой. Как выяснилось несколько позже, противник силою до взвода кавалерии был пропущен через деревню Лашково и обстрелян группой бойцов 3-й бригады. Немцы спешили и открыли ответный огонь, отойдя к деревне Лашково. Часть коноводов побросали коней и тоже бросились бежать назад. Коня разбежались. Пара выбежала на шоссе и была поймана нами. Вечером командиру бригады П. В. Рындину был приведён трофейный пегий конь во всем конском «обмундировании».

Бой, между тем, разгорался. К деревне Лашково подошли главные силы противника. Но к этому времени и партизаны подтянули новые отряды и стали обходить Лашково с северо-запада, прижимая немцев к озеру Язно. Противник не выдержал и во второй половине дня начал отход, прикрываясь огнём нескольких станковых пулемётов. В бою под Дашково немцы потеряли около 40 солдат и офицеров и один был взят в плен партизанами 3-й бригады. Он оказался ружейным мастером и впоследствии хорошо работал по ремонту партизанского оружия.

На второй день — 23-го сентября разведка корпуса доложила о движении противника со стороны населённого пункта Сутоки тремя колоннами в нашем направлении. Нашей бригаде приказано прикрыть правый фланг. Расположились по высотам в районе деревни Беззубенки. Я со своими разведчиками — на самом правом участке. Выслали наблюдателей в деревню Ерастовку.

Солнечное тихое утро. Едва слышен лёгкий шум сосен, под которыми мы расположились по довольно крутому склону сопки. В бинокль хорошо просматриваются дали. Внизу под нами в полукилометре видны домики небольшого хуторка Алексево. Издалека доносится ружейная перестрелка. Это к нашему левому соседу подошли передовые подразделения противника.

Очень хочется пить. Посылаю на хутор одного из разведчиков за водой. Ина берёт у меня бинокль и через минуту говорит, что из кустов от хутора показалась женщина с какой-то ношей в руке и направляется в нашу сторону. Подъём был довольно крут, и женщина поминутно останавливалась, чтобы передохнуть. Ина не выдержала и бросилась к женщине, чтобы помочь той подняться на гору:

— А я к вам, детки. Молочка вот принесла.

— И старушка протянула Ине ведро.

— У меня тут в лесочке коровка захована.

Мы пили молоко и благодарили добрую женщину. Старушка расспрашивала Ину о семье, и когда узнала, что я — её отец, то на глазах ее появились слезы.

— Да как же это? Детки мои, пришли сюда через фронт. А я думала, что вы здешние. А ты, дочушка, зачем... Ну пусть бы мальцы воевали. Не женское это дело. Страшно, поди?

— Что ты, бабушка. Вот ты же не боялась придти к нам.

— Ну, я-то старая, уже пожила. А тебе жить надо...

— Вот, бабушка, дорогая, я хочу жить, поэтому пришла сюда. Прогоним немца и живём на славу. Спасибо тебе, бабушка, за молоко, и ещё большое спасибо за то, что ты такая русская женщина.

Ина помогла старушке спуститься с обрыва. Мы долго наблюдали, как женщина медленно двигалась к хутору. Вот она подошла к дому, остановилась, обернулась назад, долго смотрела в нашу сторону и, как мне показалось, перекрестила нас, и, поникнув головой, вошла во двор.

Ина обернулась ко мне:

— Папа, а помнишь у Некрасова...

Тем временем перестрелка кончилась. От комбрига пришёл связной с приказом сниматься с обороны. Он сообщил, что противник отошёл, потеряв много убитыми и ранеными.

Ночью мы вели разведку маршрута на Идрицу. Днём 26-го Ина отдыхала, а я знакомился со своими разведчиками. Сидел под окном и беседовал с ребятами, которым в предстоящую ночь надо было идти в разведку. По деревне двигались подводы с ранеными партизанами. Слышу вдруг:

— Александр Павлович!

Я подошёл к повозке:

— Что с тобой, Геннадий?

— Нogu зацепило, не очень, но отправляют на Большую землю.

Вызываю Ину. Она проводила нашего земляка Геннадия Зайцева¹⁵ до деревни Шерстово, где расположился наш партизанский госпиталь. Возвратившись, Ина долго не могла успокоиться. Не так просто перевезти раненых через линию фронта. А если попадут к немцам? Не пощадят, изверги!

Пользуясь случаем, пишем первые письма домой. Дойдут ли? Как выяснилось позже, наши — не дошли. Как не дошёл и Геннадий в этот раз до Большой земли.

Получили приказ готовиться к большому переходу. Готовимся и отдыхаем всё в той же небольшой лесной деревушке Беззубенки, что в БССР.

Утром 29-го комбриг приглашает меня поехать с ним в штаб корпуса. Здесь получаем приказ: вести разведку маршрута движения на Идрицу. По пути уничтожать волостные управы, полицейских, но не делать большого шума, то есть не нападать на крупные гарнизоны, а лишь тщательно разведывать их, если они встретятся на пути бригады. Донесения в штаб корпуса три раза в сутки — утром, днём и вечером, причем, два последних — при условии соответствующей обстановки.

Возвращаясь в бригаду, обстоятельно обсудили с Петром Васильевичем, как лучше организовать разведку. В деревне Ерастовка днём проводили партийное собрание, вернее собрание коммунистов, так как парторганизация в бригаде к этому времени ещё не была оформлена. Во взводах отрядов проводятся короткие беседы. Ужин. И в 20 часов брига-

да вытягивается лесной дорогой к шоссе Невель — Россоны. На шоссе вышли в полной темноте. Короткая остановка. Вперёд вышли три группы разведки, а за ними двинулись и отряды. Всю ночь бригада двигалась в заданном направлении. Всё было спокойно.

Перед рассветом, перейдя бездействующую железную дорогу Полоцк — Псков, выходим к большому населённому пункту Юховичи. Усиливаем группу разведчиков, иду с ними. В Юховичах всё спокойно. Немцев давно нет, а полиция тоже не решается заглядывать сюда. Здесь, оказывается, прочно закрепились белорусские партизаны бригады Охотина¹⁶. Хорошо отдохнули до самого вечера на окраине Юховичей, а ночью — снова в путь. Двигались медленно, так как здесь уже кое-где попадались немецкие гарнизоны, которые мы должны были обходить. Да и население было чрезвычайно напугано немцами и без особого доверия относилось к нашему появлению. Надо было быть очень осторожными, чтобы не выдать себя.

На четвёртые сутки подошли к линии железной дороги Великие Луки — Себеж. Было часа два ночи. Решили переходить железную дорогу на следующую ночь. Ина только что вернулась из разведки. Их группа отдыхает. Беру с собой трёх ребят и иду на линию железной дороги. Надо ещё раз проверить место перехода. Когда стало уже совсем светло, вернулись к бригаде.

Всё проверено и всё предусмотрено. Отдыхаем.

Следующей ночью перешли линию железной дороги совершенно спокойно. Комбригу не терпится. Сам закладывает мину на месте перехода. Говорит мне: «Мы оставили много следов при переходе и немцы не подумают, что именно здесь мы оставили им сюрприз». В полночь на следующий день мы услышали взрыв. Всё-таки Петр Васильевич был прав. Немцы не заподозрили, что здесь, где партизаны оставили следы, они оставили и мину. Паровоз и два вагона свалились под откос. Движение на целые сутки прекратилось.

Перейдя железную дорогу, мы остановились на днёвку в густом лесу в сухом овраге, недалеко от немецкого гарнизона. Позавтракали. Я обошёл все наши подразде-

ления. Проверил у разведчиков боеприпасы и оружие. Возвращаюсь к расположению штаба и вдруг слышу: «Александр Павлович, а я тебе из дома письмо привёз!»! Оглядываюсь и вижу перед собою нашего партизана Дудкина. Какое письмо, как ты попал сюда? Он передаёт письмо от жены. Оказывается, мы остановились около маленькой группы партизан-диверсантов, и среди них Дудкин, который недавно выехал из Кашина. Спешу к Ине с письмом. Нет предела нашей радости и зависти наших товарищей, которые уже давно не имели весточки из дома.

Дудкин приглашает нас к себе в гости и угощает очень вкусным мясным супом.

Через день мы пришли в деревню Малюзино. Разведка сообщила, что в Кицкове, что около восьми километров от Малюзина, находится волостное правление и молокозавод. На завод окрестному населению приказано сдавать молоко. Волостную управу и завод охраняет отряд полицейских. К тому же в этот район часто наезжают немцы из Идрицы и забирают у населения продукты.

Взводу разведки даётся задание уничтожить волостную управу и молокозавод в Кицкове, отряду Лесникова — уничтожить волостную управу и молокозавод в деревне Лобово (юго-западнее Идрицы). Нашим проводником идёт И. К. Никоненко¹⁷.

Иду с разведчиками. Перед рассветом наша группа, ведомая Никоненком И. К. — впоследствии командиром нового отряда — бесшумно подходит к казарме полицейских, охранявших волость и молокозавод. Подаю команду: «Огонь!»! В ответ раздаётся несколько беспорядочных выстрелов. Ребята врываются в казарму. Один из застигнутых около казармы жалобно кричит: «Не стреляйте, я — ваш, я — партизан...». Ина подбегает к нему и выхватывает из его рук винтовку. Люди выносят брошенное охраной оружие, снаряжение, боеприпасы. Казарма быстро загорается. На фоне горящего здания — девушка в телогрейке с карабином в руках и винтовкой за плечами, а перед нею — верзила в немецкой шинели и каске с поднятыми вверх руками, что-то жалобно бормочущий.

Завод горит вовсю. Идём к дому, где помещается волостная управа. Ребята выносят охапки бумаг. Их складывают в мешок. Надо

разобраться в них на досуге. Ина подходит ко мне: «Товарищ замкомбрига! Прикажите передать пленного кому-нибудь из бойцов». Во взгляде и голосе девушки столько брезгливости и презрения к предателю! Я подзываю бойца и приказываю отвести полиция к месту сбора. «Папа, — шепчет мне Ина, — не могу смотреть на него, тошнит, так он гадок, так противен. Хочется плюнуть в его проклятую рожу»!

Вскоре и с волостным правлением все покончено. Тов. Никоненок говорит мне, что в больнице, которая расположена рядом с управой, работает военный врач хирург Евгений Васильевич¹⁸. Заходим в квартиру врача. Дверь открывает мужчина лет 35, одетый в нашу военную шинель без знаков различия и чёрную шапку. Я хочу объяснить ему условия нашего прихода, а он перебивает меня словами: «Я готов, вот только надо добавить кое-что из инструментов». Через десять минут врач выходит на улицу с двумя вещмешками, в одном из них — так нужные нам медикаменты.

Группа быстро покидает место действий. Утром мы уже в Малюзино.

Такие разные люди...

Отдохнув, приказываю привести ко мне пленного. Входит детина чуть ли не двухметрового роста. Выясняется, что он — Брыль Василий, местный уроженец, пошёл служить в полицию под страхом угона в Германию. Давно хотел перейти к партизанам, но их здесь не было. И вот при первом же случае сделал это. В подразделении большинство хотят уйти от немцев. Тщательно допросил этого первого предателя. Приходит мысль: если все, что говорит этот Брыль — правда, то, может быть, следует использовать его для разложения всего этого полицейского подразделения?

Иду к комбригу и излагаю ему свои соображения. Мы можем потерять одного, а в лучшем случае — приобрести несколько. Люди местные, уже знакомые с немецкими порядками, знают и народ. Их можно использовать для разведки, и так далее, и тому подобное.

Пётр Васильевич качает головой, иронически улыбается: «В Вас, Александр Пав-

лович, прежде всего говорит педагог. И хотя у меня большие сомнения, но я не могу не одобрить Вашего эксперимента. Делайте с этим Брылем, что хотите, пробуйте. Но, помоему, лучше бы его отправить «на тот свет». Впрочем, если и уйдет, то потеря не велика. Действуйте так, как находите лучшим».

Снова вызываю пленного, снова рассказываю ему о том, что творится в Советском Союзе, говорю о неизбежном поражении Германии, о нашей силе; говорю о глубине его падения, о его предательстве и о гуманизме нашей народной власти. Привожу примеры из истории нашего государства. Одним словом, как мне показалось тогда, убедил человека. Ставлю этому Брылю задачу: привести к нам всю их команду в количестве 28 человек с оружием и, по возможности, прихватить с собой немцев, сжечь лесопильный завод в деревне Житники и другое, что будут в состоянии сделать. Обещал ему в этом случае полное прощение и приём в наши ряды, где бы он мог окончательно доказать свою верность Родине.

Парень со слезами на глазах благодарит меня за оказанное ему доверие и клянётся сделать гораздо больше того, что я поставил условием. Я предупреждаю его, что второй раз пусть он не ждёт прощения. Договорились. Ночью наши разведчики провожают его до реки Великой и перевозят на другой берег.

Каждый день после этого, пока мы действовали в этом районе, я ждал возвращения Брыля. Проверая посты и караулы, я предупреждал ребят о возможности прихода к нам подразделения полицейских, но... Обманул, подлец, меня. Ну, попадись ты мне ещё раз! Когда мои разведчики приходили с задания и мы с комбригом разговаривали с ними, Пётр Васильевич с улыбкой спрашивал: «Ну, как поживает господин Василий Брыль? Не прислал ли он привет Александру Павловичу? А может подарок какой? Не грех бы за собственную, хотя и поганую шкуру, поблагодарить нашего замкомбрига». Смеялся и я вместе со всеми, хотя на душе было совсем не смешно.

Забегая вперёд, должен сказать, что партизанская судьба свела нас с Брылем снова. В конце января 1943 года группа пар-

тизан отряда Никоненка разгромила-таки лесопилку в деревне Житники на реке Великой, и в первых числах февраля по приказу командования мы передвигались в Кудеверский и Новоржевский районы. Ночью подошли к деревне Часовница Идрицкого района, куда заранее была выслана разведка. Я ехал в середине колонны (вся бригада ехала на лошадях, запряжённых в сани, и только часть разведки была верхом). Вдруг перед деревней остановка. По цепочке передают, что разведчики «взяли» полицейских и просят замкомбрига в голову колонны. Я вышел вперёд и увидел человек десять людей, запрягавших пару лошадей в сани. Начальник разведки доложил, что захвачено четыре полицейских и их подвода с каким-то грузом. Нам предстояло в эту ночь форсировать шоссе Ленинград — Киев, и задерживаться было нельзя. А поэтому я приказал пока взять под охрану полицейских первому взводу головного отряда и продолжить движение. Тем более, что из головной разведки приехал связной, который доложил, что разведотряд вышел уже к шоссе, перекрыл дорогу у места перехода и ждёт бригаду.

Форсированным маршем мы двинулись вперёд, и уже на следующий день я встретился с пленными. Кстати, здесь ребята рассказали мне, как были захвачены полицейские. Разведчики вошли в деревню Часовницы и зашли в крайний дом с целью узнать положение. Хозяйка сказала, что поздно вечером к ним заехали трое полицейских, ехавших из Житников. Но они поехали куда-то вдоль деревни. Ребята пошли дальше, в середине деревни снова зашли в хату. Старик — хозяин был очень взволнован и сказал, что никого в деревне нет. Разведчики уже повернулись к выходу, но один из них (некурящий) обратил внимание на то, что в хате пахнет табаком. Открыв дверь в комнату, он увидел полицейских. Во дворе стояла телега со всяким барахлом, которое они собирались увезти в Житники. Партизаны обезоружили полицейских. Не помню имени того разведчика, но комбриг перед строем объявил ему благодарность за наблюдательность.

По очереди ко мне приводят пленных на допрос. И вот третьим в хату вводят моего «старого знакомого» Василия Брыля. Увидев

меня, он понял, что третьей встречи уже не состоится. Я ему напомнил наш последний разговор в конце сентября и пообещал сдержать данное ему слово. Пленного увели.

Последним был введён молодой человек с лицом очень мне знакомым. Я его долго молча рассматривал, стремясь вспомнить, где и когда я его видел. Но так и не мог вспомнить. На мой вопрос, не встречал ли он меня раньше, пленный ответил отрицательно. Ну, что же. Фамилия, имя, отчество — Концевенко Михаил Семенович. Бывший учитель семилетней школы. Как попал в полицию? От страха за судьбу матери. Немцы сказали, что если не пойду в полицию, то меня вместе с матерью пошлют в Германию. А так как мать уже немолодая и не может хорошо работать, то её просто уничтожат.

Концевенко, Концевенко... Из головы не выходит эта фамилия. Допрашиваю полицейского, а мысль о том, что я где-то его встречал, не выходит из головы.

— А где ваш отец?

— Он работал в Центроспирте и со своей конторой эвакуировался в советский тыл в первые месяцы войны.

И вот перед моими глазами возникает картина. Октябрь 1941 года. Кабинет директора ликеро-водочного завода в Кашине тов. Осипенко. Он назначен начальником хозяйства партизанского отряда Кашинского района, где я был командиром. Мы это время строили базы, готовясь уйти в подполье. Враг приближался к городу Калинин. Тов. Осипенко просит секретаря вызвать к нему сотрудника завода Концевенко. Входит человек — уже не молодой, седеющий. Вот на кого, как две капли воды, похож мой пленный! Итак, отец работает в советском тылу, мать в деревне в сельском хозяйстве, а сын, молодой парень, к тому же учитель, служит врагу своего народа.

Мне стало не по себе. Ну как же так? Ведь его воспитала советская власть, партия, комсомол, а он!? Он же сам был учителем, сам воспитывал ребятшек, говорил им о советском патриотизме, о любви к Родине, о ненависти к её врагам, рассказывал, быть может, о Чапаеве и Иване Сусанине, о Павке Корчагине и героях-пионерах. А сам? Трус, презренный трус! Ты боялся за собственную

шкуру, а не за жизнь матери. Но ты же учитель, советский учитель? Мой коллега? Понятия учитель и предатель не укладываются в моей голове.

Я долго, молча смотрю на него, а он, дрожащий, жалкий, стоит передо мною в ожидании своей участи. Мне стыдно. Возникает мысль: неужели и те, которых я обучал и воспитывал с 1919 года, вот так же в тяжёлую минуту задрожат, поколеблются и... Как этот? Нет, нет. Те, с которыми я пришёл сюда, те, которые пришли к нам здесь, те, которые сотнями приходили в райкомы, прося отправить их на фронт, в партизаны — вот они, наши сыновья и дочери, наши ученики, воспитанные ленинской партией и ленинским комсомолом, наша прекрасная молодёжь. А этот? Что ж, нет правила без исключений и в семье не без урода.

— Ну, что же будем делать, Концевенко?

Парень поднимает глаза — и столько в них какой-то собачьей услужливости, просьбы и, как мне показалось, раскаяния. Он молчит.

— А я недавно видел твоего отца, Концевенко!

Парень вздрогнул.

— Он честно продолжает работать. Беспочинется о своем сыне и жене. И уж конечно не думает, что его сын стал предателем.

На глазах пленного показались слезы и крупными каплями стекают по его щекам. Вдруг он падает на колени, бьется головой об пол и громко рыдает. Сквозь слезы я слышу:

— Расстреляйте меня, расстреляйте!

Я молча смотрю в окно и думаю, как поступить с этим человеком. Парень немного успокоился. Я спрашиваю:

— А что ты будешь делать, Концевенко, если мы тебя отпустим на все четыре стороны?

— А я никуда не пойду, лучше расстреливайте.

— Боишься, что немцы не примут, доверие потерял, сдавшись нам в плен?

— Нет, теперь я не боюсь смерти, я её заслужил. Но не хочется умирать, как предателю от руки своих братьев, но... Скажите, пожалуйста, а где Вы видели моего отца и когда.

Я рассказал.

— А можно мне написать последнюю маленькую записочку отцу?

— Зачем? Пусть он лучше не знает, кем стал его сын.

— Но он узнает же всё равно, а я хочу объяснить ему, почему так поступил.

— И без объяснений все ясно.

Вызываю часового и приказываю увести пленного. Собрал бумажки и иду с докладом к комбригу. Из головы не выходит Концевенко. А что если...? Моментажно возникает план использования пленного, но... урок-то ещё не забыт. Тем более, что и действующее лицо этого эксперимента ещё сидит в бане под охраной.

Докладываю комбригу о результатах допроса. Пётр Васильевич выражает желание посмотреть на Брыля и с усмешкой спрашивает, не имею ли я намерение ещё экспериментировать в том же духе. Да, товарищ комбриг. Я подробно рассказываю ему о Концевенко и развиваю свой план использования его как нашего агента в идрицкой полиции.

Пётр Васильевич от души смеется надо мною. В хату входят тт. Тухто¹⁹ и Грушкин — члены подпольного райкома. Комбриг рассказывает им о моём намерении. Они высказывают свои сомнения и вспоминают опыт с Брылем.

— Ну, вот что, Александр Павлович! Берите хоть всех четверых. Сделайте ещё попытку. Выйдет — хорошо, а не выйдет — ничего мы не теряем.

— Пётр Васильевич, о Брыле и двух первых Вы знаете моё мнение. А с Концевенко мне хочется попробовать. Отправить его к праотцам просто, а может быть, мы вернём человека. Ведь он учитель.

— Ну, ну. В Вас заговорило чувство корпоративности. Но он же растоптал честь советского народного учителя.

— А, может быть, он только споткнулся и теперь понял глубину своего падения, постарается смыть это грязное пятно.

— Да не возражаю же я — берите его со всеми потрохами.

К вечеру всё было решено. Концевенко ушёл в Идрицу. Через неделю наш человек сообщил, что Концевенко уже ходит по Идрице с винтовкой. Значит, он снова в полиции.

Хочется продолжить эту историю. Через пару недель после ухода Концевенко че-

рез его мать, жившую в деревне Дорожково, как мне помнится, мы регулярно стали получать разведсведения от полицейского идрицкого гарнизона Концевенко. Наши задания по разведке неукоснительно и аккуратно выполнялись. Сведения были полными и точными, что мы неоднократно проверяли через дублеров-разведчиков. Я был горд тем, что на этот раз не ошибся, что вернул в строй человека.

Но вот в марте 1943 года наша так хорошо налаженная связь внезапно прервалась. Послал в Идрицу нашу замечательную разведчицу Олю Познахирко с заданием узнать и о судьбе Концевенко. Через пару дней Оля вернулась с известием о том, что Концевенко немцами арестован и куда-то отправлен.

В мае с тремя отрядами я действовал отдельно от бригады и находился при отряде Никоненка. И вот как-то рано утром часовой разбудил меня и доложил, что вернулась из-за Опочки разведка и привела пленного, который кроме меня ни с кем не хочет разговаривать.

Прихожу в хату. Старший разведчик докладывает, что по выполнении задания они на обратном пути зашли ночью в лесную деревушку севернее Опочки и хозяйка, которая их покормила, сказала, что к её соседке накануне вечером заходил какой-то парень, который после спрятался в бане, и указала на эту баню. Ребята решили проверить, что это за человек. Вошли в баню и обнаружили человека, который попросил их отвести к капитану Константинову. На их вопросы ответил лишь, что бежал из лагеря из под Пскова и больше ничего сказать не имеет права.

Таким образом, мы вновь встретились с Концевенко. Он рассказал, что попал под подозрение немцев и был направлен в лагерь, откуда удалось через неделю бежать и он шесть дней пробирался к нам, пока не попал в руки наших разведчиков. Отдохнув и приведя себя в порядок, он приступил к своим партизанским обязанностям. Небольшая группа местных ребят, в которую вошёл и Концевенко, начала борьбу с местной полицией, которая к этому времени стала проявлять активность и частенько наезжала в ближайшие к Идрице деревни с целью вывоза продуктов от населения. В одной из стычек с полицией Концевенко был ранен, захвачен

полицейскими, привязан к повозке и волоком доставлен в Идрицу, где и был добит. Этот русский парень кровью смыл с себя грязное пятно предательства.

Вот так некоторые искупали свою вину перед Родиной.

В боях и походах

...Днём 9-го октября обсуждаем план диверсии на шоссе Ленинград — Киев. Учтя данные разведки, привезённые накануне, приходим к выводу, что лучше всего нанести удар на участке Слободка — Холюны, где имеются два довольно крупных шоссе-моста. Решаем, что мост у Слободки следует сжечь, чтобы преждевременно не вызвать тревоги в ближайших гарнизонах взрывом моста, а у Холюны — заминировать и здесь устроить засаду.

Ночью мы вышли на операцию Моросит мелкий дождь. Не видно ни зги. Люди идут друг за другом, держась за руки. Дождь усиливается. Постепенно одежда намокает. Холодно. В лесной деревушке взяли по два снопа соломы. Вышли к шоссе. Изредка по нему проходят немецкие машины. Пятёрка разведчиков ползком направилась к мосту. Приготовили гранаты. Ина ползёт впереди меня. Перед нами темнеет силуэт моста. Ина с кем-то из ребят поднимается на шоссе. Напряжённое ожидание. Сверху шёпот: «Охраны нет, папа». Не верится, так как только за день до этого мост охранялся. Поднимаюсь на мост. Никого. Через десять минут бойцы приносят солому. Мост горит, но плохо. Старые бревна настила не хотят разгораться. Укладываем термитные шашки, и тогда сразу вспыхивает яркое пламя.

Влево от нас начинается перестрелка и слышится сильный взрыв. Это наша вторая группа напала на проходящие немецкие машины. Наша группа быстро отходит, чтобы оказать помощь первой, если немцы попытаются выслать к Холюнам подмогу из гарнизона Алоли. Но перестрелка довольно быстро затихает и лишь изредка слышны взрывы гранат. В результате пять уничтоженных грузовых машин, две из них — с крытыми прицепами. Весь следующий день немцы свозили трупы в Алоль и два дня восстанавливали мосты.

...К рассвету становится холоднее, хотя дождь кончился. Уходим в лес, где должна состояться встреча всех отрядов бригады. Одежда сохнет на теле. Днём несколько часов отдыхаем в небольшой лесной деревушке в ожидании приказа штаба корпуса. Вечером бригада получает новое задание и направляется в Кудеверский район. По пути громим волостные управы. Слухи о движении какого-то большого соединения Красной Армии бегут впереди нас. Мелкие немецкие отряды не решаются вступать в бой, разве только иногда пытаются задержать движение наших разведчиков. Но после короткой перестрелки быстро уходят к Кудевери и Новоржеву, где сосредоточиваются более крупные силы.

За это время в наши ряды пришли многие сотни людей. К нам шли «окруженцы», задержавшиеся в этих районах, к нам шла молодёжь из местного населения. Каждый день состав только нашей 2-й бригады увеличивался на 10–15 человек. Мы уже создали два новых отряда, готовились к созданию третьего. Дело было только за оружием. Правда, многие из местных ребят приходили с оружием или указывали, где его можно найти. Но несмотря на это оружия не хватало.

Очень многие из окруженцев просили помочь им перейти линию фронта, чтобы вернуться в Красную Армию. Командование бригады приходит к выводу, что необходимо перевести людей за линию фронта для передачи в армию и для вооружения тех, кто пришёл в наши отряды. Надо согласовать этот вопрос со штабом корпуса.

А корпус между тем продолжал свой рейд по западным районам Калининской области, сметая на своём пути всё, что создали враги на нашей земле, устанавливая «новый порядок». Горели имения вернувшихся из-за рубежа бывших помещиков, организованные немцами государственные хозяйственные волостные управы, молочные и сыроваренные заводы, разбегались полицейские во главе с бургомистрами волостей и деревенскими старшинами, гремели взрывы на железных и шоссейных дорогах. Население увидело нашу силу, поняло, что истинными хозяевами являемся мы — советские люди, советская власть, что оккупанты — это лишь временное явление. И недалеко то время, когда

снова здесь восстановятся советские порядки, враг будет изгнан. Как правило, наши политработники в каждой, даже маленькой деревушке, лежащей на нашем пути, проводили беседы, рассказывали об истинном положении на фронтах, читали сводки Совинформбюро, которые мы обязательно ежедневно принимали по своим районам.

И люди встречали нас со слезами радости на глазах, готовы были сделать для нас всё, что только было в их силах, шли и шли в наши ряды. Немцы поняли, что перед ними сила, с которой можно бороться, лишь применяя крупные воинские подразделения, и спешно начали готовить против нас карательную экспедицию.

18 октября 1942 года в Кудеверский район, куда к этому времени прибыл 1-й Калининский партизанский корпус, немецкое командование направило карательную экспедицию численностью свыше двух полков полевых войск, дислоцировавшихся в ближайшем к фронту тылу, и собрало в один кулак все отряды охранных войск из гарнизонов соседних районов. Передовые отряды корпуса ещё к вечеру 17 октября вступили в соприкосновение с авангардом карателей. Ночь прошла в мелких стычках наших разведчиков с противником. Рано утром 18 октября противник силами до 1000 штыков начал наступление в районе деревень Артюхово и Меленка на главные силы корпуса. Завязалась ожесточённая перестрелка. Немцы ввели в бой лёгкую артиллерию, минометы и крупнокалиберные пулемёты.

Бой длился до полудня, не дав противнику никаких результатов. Наши отряды не уступили ни шагу. Около полудня разведка доложила, что на левый фланг, который прикрывала наша 2-я бригада, немцы на машинах подбросили до 500 солдат, которые, развернувшись в боевой порядок, начали движение в нашу сторону. Бригада занимала участок в районе деревень Елдино — Ханево и её задачей было не допустить обхода наших главных сил с левого фланга. Командир корпуса приказал удержать немцев на линии Ханево — Елдино во что бы то ни стало и без приказа не отходить.

Стояла довольно теплая сухая погода. С утра ярко светило солнце. Отряды были

расположены по высокой опушке леса и по окраинам деревень Елдино и Хан`во. Люди хорошо замаскировались, а некоторые даже окопались, воспользовавшись лопатами хозяев ближайших хат. Около 14 часов разведка доложила, что со стороны Кудевери показались первые подразделения противника. Вскоре мы увидели, как немцы, разбившись на отделения, начали охватывать наши позиции. Ни с той, ни с другой стороны не было произведено ни одного выстрела.

Враг медленно приближался. На расстоянии 100–150 метров от первой волны наступающих показалась вторая. Первые группы появились в кустарнике всего на расстоянии каких-нибудь 150–200 метров. Уже слышны голоса врагов, какие-то команды. Напряжение ожидания сигнального выстрела ракетницы достигает своего предела. Не успела ещё подняться и до половины своего пути красная ракета, как заговорили наши пулемёты и винтовки. И сразу же враг залёг, отвечая нам огнём.

Вскоре мы заметили, как серо-зелёные фигуры замелькали по кустам, поспешно отходя назад к лесистой сопочке. Оттуда уже начали падать мины, не причиняя нам пока никакого ущерба. Огонь со стороны противника усилился. Мы же, экономя патроны, вели теперь огонь только по видимым целям.

Во время боя из штаба корпуса прибыл связной с сообщением о том, что и на правый фланг корпуса немцы бросили крупные силы, стремясь охватить полукольцом партизан. Корпус начал отход, чтобы избежать окружения. У нас же бой продолжался. Немцы попробовали атаковать нас вторично, но снова под нашим огнём вынуждены были отступить. Через некоторое время был получен приказ отходить, прикрывая главные силы с тыла. Наши отряды, оставив на месте небольшое прикрытие, начали медленно выходить из боя.

Когда я со своими разведчиками догнал бригаду, начало смеркаться. Противник нас не преследовал. Но мы долго слышали шум моторов в деревне Ханёво. Как через несколько дней рассказали нашим разведчикам жители деревень Ханёво и Елдино, немцы за ночь вывезли на машинах много трупов. Сверх ожидания, деревни не были сожжены

и никто из жителей не пострадал. У нас в бригаде был только один легкораненый партизан.

Всю ночь мы двигались в арьергарде корпуса, направляясь в южную часть западных районов Калининской области. Перейдя шоссе Ленинград — Киев и железную дорогу Новосokolьники — Рига, корпус остановился в районе Юховичи — Клястицы. Нужно было привести в порядок вновь организованные отряды, подготовить людей к переходу линии фронта, наметить места постоянной дислокации бригад, позаботиться о хозяйстве, питании, обмундировании. Приближалась зима, и к ней надо было подготовиться.

Бригада получила приказ разведать места перехода через линию фронта. 26 октября 30 разведчиков отправились в опасный путь. С ними ушла и Ина. Командование корпуса провело совещание командиров и политработников бригад и отрядов. Каждой бригаде был указан район дислокации, поставлены задачи. Наша бригада должна была дислоцироваться в южной части Пустошкинского района, 3-я в Идрицком, 5-я — в Себежском, 6-я — в Невельском и т. д. При каждой бригаде находился подпольный райком ВКП(б) и руководящие работники советских районных учреждений. Как правило, первый секретарь райкома становился комиссаром бригады, а остальные назначались на различные должности в отрядах. Постепенно все отряды организационно оформились.

Большое внимание уделялось обучению людей. В отряды пришло много молодёжи, совершенно не знакомой ни с оружием, ни с военным делом вообще. Во всех новых отрядах были выделены на должности командиров отделений и взводов наиболее подготовленные люди, чаще всего из оставшихся у нас окруженцев, прошедших действительную военную службу. С молодыми бойцами проводились систематические занятия.

Одновременно с этим велась и большая работа по очистке района от немецкой власти. Достаточно сказать, что за период до января 1943 года была уничтожена 21 волостная управа в Пустошкинском, Идрицком и Кудеверском районах, взорвано много мостов, железнодорожных эшелонов, сожжены

несколько складов, добыто у населения значительное количество оружия.

Говоря о боевой деятельности бригады, следует разбить её на несколько этапов, зависевших от обстановки в тылу противника и задач, которые ставили перед нею штаб партизанского движения (ШПД) и командование Красной Армии.

Первый этап — с сентября по конец октября 1942 года, когда бригада под командованием П. В. Рындына действовала в составе 1-го Калининского партизанского корпуса. В этот период перед нами ставилась задача продемонстрировать перед населением временно оккупированных районов Калининской области наши силы, уничтожая на своём пути вражеские гарнизоны, административные органы, промышленные предприятия врага наряду с организацией диверсионных актов на его коммуникациях.

Второй этап — с ноября 1942 года по март 1943 года — это период самостоятельной деятельности бригады, период собирания сил, организации отрядов и баз, уничтожения немецких учреждений в Пустошкинском районе, диверсий на коммуникациях противника и организация разветвленной сети разведки. Этот период закончился борьбой совместно с другими бригадами с крупной карательной экспедицией противника (январь-февраль 1943 года).

Третий период — с марта по сентябрь 1943 года — период развёртывания широкой диверсионной работы, рельсовой войны и разложения вражеских формирований.

И, наконец, четвёртый этап обнимает период времени с сентября 1943 года по день соединения с Красной Армией. На этом этапе бригада по заданию ШПД вела в основном разведку на РККА, попутно проводя диверсионную работу.

В конце января 1943 года наша разведка стала доносить о концентрации сил противника в Пустошке, Невеле и Идрице, а 25 января было обнаружено движение колонн врага со стороны Идрицы и Пустошки в южную часть Пустошкинского района. 26 января во многих пунктах севернее и северо-западнее озера Язно наши разведчики уже вели бои с передовыми частями немцев. 27 января противник вышел на северный и восточный

берег этого озера, войдя в соприкосновение с 6-й бригадой тов. Карпенко²⁰ и отрядом тов. Александрова нашей бригады. Немцы двигались со всех направлений, стремясь замкнуть кольцо на границах Калининской области и северной части БССР.

Силы слишком неравные, но быстро отходить нашим отрядам было нельзя, ибо мы должны были дать возможность населению этих районов уйти из зоны действия карательной экспедиции. С 27 января начался планомерный отход партизанских отрядов с жестокими боями за каждый населённый пункт, за каждый выгодный рубеж. Действуя по обстоятельствам, где мелкими группами, где всей бригадой во взаимодействии с другими калининскими и белорусскими бригадами, мы нанесли противнику чувствительный урон, заставляя его держаться в постоянном напряжении, изматывая его и не давая ему использовать преимущество в силе и вооружении.

29 января бригада частью своих сил вышла на линию деревень Шерстово — Мамоли — Замошье, заняв здесь оборону. В полдень из этих населённых пунктов двинулись наши и белорусские партизанские госпитали и масса местного населения. Все дороги были забиты обозами. Я получил приказ комбрига задержать врага, чтобы дать возможность обозам оторваться от него.

С утра 30 января противник силою до взвода предпринял наступление на деревню Мамоли, но огнём отряда белорусов был отогнан. К вечеру он сделал попытку выбить нас из деревни Шерстово, но и эта попытка кончилась также, как и первая. Ночью наши разведчики установили, что в деревни Клиновое и Беззубенки прибыли две роты немцев на лошадях, а белорусы сообщили о том, что в деревни Нижние Лопатки и Рогово также пришло подкрепление. Командир отряда просил оказать ему помощь и не отходить из Шерстова до наступления темноты. На окраину деревни был послан взвод во главе с командиром старшим лейтенантом Кудряшовым.

С утра 31 января всё было спокойно. Выдвинутые далеко вперёд наши посты противника не обнаружили, и только во второй половине дня с востока, со стороны деревни

Баканиха, появилась первая группа немцев в количестве 25–30 человек на шести повозках. Наш пост открыл по ним огонь из винтовок. Немцы быстро повернули обратно, но уже через 15–20 минут в белых халатах появились одновременно во многих местах и начали обходить нашу оборону с юго-востока, стремясь перерезать дорогу Шерстово — Мамоли. Мы открыли по наступающим огонь, заставив их залечь. Одновременно началось наступление и на левом нашем фланге со стороны деревни Беззубенки. Но и здесь немцы не продвинулись, а те, которые выбрались на открытую местность перед Шерстовом, тоже вынуждены были закопаться в снег.

Прошло около часа. Противник подтянул силы и открыл по нам огонь из артиллерии, миномётов и крупнокалиберных пулемётов. Трассирующие и зажигательные пули в первый момент вызвали в отряде тов. Мартынова некоторое замешательство, но очень скоро удалось успокоить людей. Возникли два небольших пожара, которые быстро потуши. Все попытки немцев продвинуться успеха не имели.

Начало смеркаться. С методической последовательностью рвались тяжёлые мины по всей площади деревни, разноцветным фейерверком летели крупнокалиберные пули, но мы не несли никаких потерь, так как люди расположились по окопам полного профиля, вырытым еще летом белорусскими партизанами.

Перед наступлением темноты белорусы сообщили, что они уходят из деревни Мамоли и почти одновременно приехал связной от комбрига с приказом оставить деревню Шерстово, выводя из боя отряды повзводно, чтобы противник не сразу понял наш маневр. Уходя с последним взводом тов. Мартынова, я ещё долго наблюдал, как противник все яростнее обстреливал уже пустую деревню. На западном краю деревни загорелся дом. По-видимому, соломенная крыша ярко вспыхнула и осветила картину. Минут через десять стрельба прекратилась и в тишине ночи мы услышали шум голосов немцев, вошедших в Шерстово. Погони за нами не было и, сняв с засады людей, мы двинулись на юго-запад в деревню Низинки.

Утром сюда пришли две женщины из деревни Беззубенки и рассказали, что из Шерстова ночью немцы привели много раненых и убитых. У нас два человека были ранены и один — убит. Позже наша агентурная разведка сообщила, что под Шерстово был убит 71 немец.

1-го февраля из деревни Низинки на все подходящие к ней дороги были выброшены засады. Два взвода отряда т. Мартынова устроились на лесной дороге, что идёт из Низинок на деревню Скрипки. Место было выбрано очень удачно. Небольшая открытая полянка на дороге, по которой накануне уходили белорусы из Мамоли, была как на ладони. Над поляной — сосновый лес с густым еловым подсадом, где и укрылись партизаны.

Около 12 часов на дороге послышался скрип саней и глухие людские голоса. Через две-три минуты на поляну выезжают четверо саней, влекомые огромными битюгами с короткими хвостами. На санях и около них немецкие солдаты, довольно громко переговаривающиеся между собой. Вот уже вся группа выбралась на поляну. Короткая очередь автомата, а за нею — дружный залп винтовок, татахание ручного пулемета. Дикий крик, вздыбившиеся и падающие лошади, треск ломающихся повозок, стоны. Через какую-то минуту все закончено. 28 убитых солдат во главе с фельдфебелем и один «счастливый», не получивший ни одной царапины, ефрейтор. 26 винтовок, один ручной пулемёт, один пистолет и около тысячи патронов — трофеи партизан. Допрошенный пленный ефрейтор Цангер Курт дал нам очень ценные сведения о составе экспедиции.

С раннего утра 2-го февраля отряды снова организовали засады. Всю ночь по лесным дорогам к нам шли люди из деревень, захваченных противником. С болью в сердце мы выслушивали их рассказы о зверствах, чинимых врагом. От них же мы узнавали и о силах, брошенных против нас и концентрирующихся на границах партизанского края.

Деревня Низинки, как говорит и ее название, расположена в низине, окруженной несколькими холмами, покрытыми лесом. На одном из этих холмов был расположен наш наблюдательный пост. Утром я поднялся на этот холм, чтобы лично наблюдать какое-то

движение, замеченное нашими наблюдателями в направлении на деревни Лужки — Мамутки. Не обнаружив ничего, на мой взгляд, подозрительного, я приказал начальнику разведки отряда выслать в этом направлении дополнительную группу разведчиков. Стоявший со мной рядом мой ординарец подросток Алик Овчинников взял из моих рук бинокль и начал осматривать местность.

— Александр Павлович, смотрите, кто-то въезжает в Низинки на каких-то белых не наших санях.

— Ну, полно тебе. Это опять беженцы движутся.

— Нет, нет. Смотрите, к саням бегут наши ребята.

Я взял из рук Алика бинокль. На самом деле повозка какая-то странная. Приглядевшись внимательно, я обнаружил изображение красного креста на боку странного сооружения на санях. Повозку окружили партизаны. Не торопясь спускаюсь с сопки, а Альке не терпится, и он бегом пускается на деревенскую улицу, где уже собралась порядочная толпа. Подходим ближе и слышим гомерический хохот. Среди группы хохочущих партизан и местных жителей стоит немецкий солдат в белой маскировочной куртке и с таким глупорастерянным выражением лица, что глядя на него, невозможно было не рассмеяться. Оказывается, этот немец (санитар) ещё накануне вечером был послан из деревни Беззубенки, где расположился их госпиталь, в деревню Мамоли за ранеными. Но сбился с пути на лесных дорогах и благополучно приехал в деревню Низинки. Причём, он был в полной уверенности, что те вооруженные люди, которых он увидел в деревне, никто, как полицейские, которым он весьма вежливо и приятной улыбкой козырял с козел своего санитарного фургона. Какова же была его растерянность, когда он увидел на шапке одного из этих «полицаев» красную ленту и красную звёздочку.

Немец оказался весьма словоохотливым и в течение нескольких часов обстоятельно отвечал на наши многочисленные вопросы. Его сведения значительно дополнили те, что мы получили накануне. Как он добрался до Низинок, не замеченный нашими постами, остаётся до сих пор загадкой. Единственное,

что нам удалось от него узнать, это то, что от Беззубенок он не встретил до Низинок ни одной деревни и двигался всё время лесом.

На одну из наших засад у деревни Мамутки нарвалась немецкая разведка и оставила девять убитых. Отовсюду шли сведения о приближении основных сил противника. В полдень наши отряды присоединились к остальным в деревне Гришино. Не успели мы войти в хаты с целью приготовить обед, как разведчики доложили о приближении противника, и послышалась ружейная стрельба со стороны деревни Локти.

Бригада приняла боевой порядок, а передовой отряд вступил в перестрелку. Петр Васильевич приказал бригадной разведке на лошадях вернуться в Низинки и через деревню Скрипка из леса ударить по немцам с тыла. Через час мы уже вышли из леса почти на самую окраину деревни Локти. Внезапный огонь просто ошеломил врага. Немцы заметались в панике и, вскочив на повозки, бросились обратно по шоссе, которое проходит через деревню. В результате 37 убитых и много раненых. Захвачено семь винтовок, два ящика патронов и повозка с продуктами.

Бои с карателями вызвали усиленный расход боеприпасов и дальнейшее ведение крупных боевых операций не могло быть эффективным. По приказу командования бригада вышла на правый фланг немецкой группировки и перешла в северную часть Пустошкинского района, а отряд «Народный мститель» тов. Александрова, разбившись на мелкие подразделения, просочился через боевые порядки противника и вышел ему в тыл, в места своего постоянного базирования — в район деревни Ерастовка на северную границу БССР.

Рейд к Кудевери

...Всю осень 1942 года ежедневно мы принимали сводки Совинформбюро и распространяли их среди местного населения. Это вызвало лишний расход питания нашей радиостанции. Надо было раздобыть где-то новые батареи. Действовавшая недалеко от нас белорусская бригада тов. Охотина имела хорошую связь с Большой землей, и мы решили позаимствовать у них питание для рации. С этой целью я поехал в бригаду тов. Охотина. Штаб его бригады в эти дни

стоял на берегу большого озера Нещердо в деревне Гольница.

Подъезжая к деревне, уже к вечеру, мы ещё издали услышали песни и звуки гармоник. Что это разгулялись белорусы? Въезжаем на околицу и видим картину: два парня подбегают к часовому, стоящему у первой хаты и с криком «Ура!» обнимают его и его винтовку. Бегут навстречу к нам и с криком бросаются в наши сани. В чём дело? Что случилось? Пьяны вы, что ли? Перебивая друг друга, они рассказывают, что наши под Сталинградом окружили и разбили немцев, взяли 300 000 в плен, 30 генералов и т. д. и т. п.

Спешим к штабу и там уже читаем записанную радистом сводку Совинформбюро. Нет предела нашей радости и нашей гордости за нашу Красную Армию, за нашу Родину! Тороплюсь переписать сводку и привезти её в бригаду. Утром мы у себя. Оказывается, что наши о событиях под Сталинградом уже узнали от партизан 3-й бригады, и мы познакомили только с подробностями. Сводка быстро размножается, развозится по отрядам, наши политработники проводят беседы во всех населённых пунктах, расположенных вблизи места остановки бригады.

Суток трое мы простояли в лесных деревушках Огурки, Подмошье, Пожинки, приводя в порядок себя и своё хозяйство. Подготовили письменные материалы для донесения ШПД, составили наградной материал на наиболее отличившихся товарищей и подготовились к выполнению приказа о передвижении на север. В эти дни за линию фронта ушли наши связные.

Здесь же мы подвели итоги нашей боевой деятельности. Оказалось, что за предшествующий период численный состав бригады вырос на 394 человека за счёт, главным образом, вовлечения в наши ряды местного населения. Такая же картина наблюдалась и в других бригадах. За это время бригадой было взорвано 10 железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой противника, 15 автомашин, 2 мотоцикла, повозки, велосипеды. Уничтожено 8 железнодорожных и 39 мшосейных мостов, 21 волостная управа, несколько молокозаводов и различных складов. Огнём в боях и диверсиями уничтожено свыше 3 000 солдат и офицеров противника. Два

немца и семь изменников Родины захвачены в плен.

Но и мы заплатили дорогую цену за эти боевые успехи. В боях с захватчиками пали 44 наших товарища. Как вехи на пути движения нашей бригады по тылам противника, остались могилы наших друзей...

...Чтобы выполнить приказ ШПД и выйти на север, к Кудевери и Новоржеву, надо было перейти через железную дорогу Великие Луки — Рига и шоссе Ленинград — Киев. Эти две магистрали являлись основными артериями, питавшими участок фронта, а потому немцы их усиленно охраняли. Два дня мы вели разведку переходов и, как нам казалось, нашли такое место, где можно было без большого риска перейти шоссе. Переход осложнялся и тем, что бригада двигалась на лошадях — свыше 100 повозок, и тем, что в результате последних боев у нас появилось около 20 раненых. Всё это заставляло нас искать места, удобные для перехода наших саней, и в тоже время достаточно укрытые от врага.

И вот 14 февраля, благополучно перейдя железную дорогу недалеко от станции Заваруйка, мы остановились на дневку в деревне Малюзино на реке Великой у старых знакомых, у которых провели несколько дней осенью прошлого года. Хозяйка встретила нас как дорогих гостей, и не было конца воспоминаниям и рассказам.

Отсюда до шоссе каких-нибудь 15–17 километров, и разведка уже накануне проверила и подходы к дороге, и деревни на той стороне шоссе. В ночь с 15 на 16 февраля бригада вышла к дороге, перекрыв её с обеих сторон. Ждали только команды на переход.

Вдруг в полукилометре от шоссе, там, где расположилась наша головная группа, послышались частые ружейные выстрелы и разрывы ручных гранат. Приказ: повернуть коней. Через 10–15 минут стрельба прекратилась. В чём дело? Со взводом разведчиков иду вперёд. Навстречу несут раненого. Оказывается, наткнулись на немцев, а может быть, немцы наткнулись на нас. Немцы быстро отошли. Как быть? Командир бригады приказал отойти назад до ближайших деревень.

Мы с Васей Смирновым и десятком разведчиков выехали вперёд. Рассматриваем

следы на месте перестрелки. Ребята нашли две обоймы патронов, кисет с махоркой и меховую рукавицу. Всё говорит о том, что это не немцы. С большими предосторожностями продвигаемся дальше до первой деревни. Здесь все и разъясняется. Оказывается, накануне к вечеру в деревню приехала полиция, человек около тридцати, с двумя пулемётами. Основательно выпили и двинулись на Алоль. Выезжая на шоссе, наткнулись на наших разведчиков и после короткой перестрелки быстренько ретировались. На полном ходу проскочили деревушку и больше не появлялись.

Пока мы всё это выясняли, время приблизилось к рассвету и дальнейшее продвижение бригады без дополнительной, более глубокой, разведки было нецелесообразно. Бригада остановилась вблизи шоссе на вторую дневку, а разведка ушла дальше — на северо-восток. В стычке с полицией осколками гранаты был тяжело ранен наш молодой разведчик Ваня Ивченко («Бандитенок»). Днём я зашёл в хату, где разместились раненые. При мне как раз наш хирург Евгений Васильевич делал ему перевязку. Тяжело было смотреть на этого всегда как-то бесшабашно весёлого паренька, теперь обезображенного тяжелой раной, страдающего человека. Сколько ненависти и злобы к врагам вызвала и у меня, и у многих товарищей эта картина! К счастью Вани, через несколько дней нам удалось перебросить его на Большую землю первым же самолётом.

На следующую ночь мы благополучно пересекли в том же месте Ленинградское шоссе и углубились на северо-восток в Кудеверский и Новоржевский районы. Двигаясь к Новоржеву, мы одновременно по пути ликвидировали кое-где сохранившиеся волостные управы, разгоняли мелкие гарнизоны, минировали мосты и дороги между гарнизонами противника и на большаках часто устраивали засады.

1-го марта 1943 года от нас ушёл комбриг Петр Васильевич Рындин — он был назначен командиром 6-й партизанской бригады и выехал в Невельский район²¹. Командиром бригады был назначен Н. В. Шиповалов — бывший командир отряда «Смерть фашизму»²².

В кольце блокады

4 марта разведотряд бригады под командованием тов. Токарева получает боевое задание: разведать, какие части и их численность, прибыли в район Пушкинские Горы — Новоржев, и, по возможности, выявить их намерения. Выезжаю вместе с отрядом тов. Токарева. 5-го и 6-го марта мы сравнительно успешно выполнили задачу и узнали, что в деревнях, окружающих Пушкинские Горы, расположился пехотный полк, выведенный на отдых из-под Старой Руссы, а под Новоржевом — батальон эстонцев, тоже на отдыхе. Ночью на 7-е марта в маленькой деревушке Бородино, что под самым Новоржевом, нашим разведчикам местная девушка рассказала, что подвыпившие эстонцы в Новоржеве на рынке болтали о том, что скоро перебьют всех партизан, что немцы готовят против них целую дивизию с танками.

Сопоставляя эти сведения с теми, что были получены нами ранее из Кудевери и Бежаниц, можно было сделать вывод о том, что немцы не случайно подтягивают сюда силы, тем более, что в этом районе кроме нашей бригады действовали и бригады Бабакова²³, Карликова²⁴ и Максименко²⁵, что создавало для оккупантов весьма напряжённую обстановку на этом участке перед фронтом, мешало свободно маневрировать по шоссейным дорогам Опочка — Псков, Остров — Порхов — Дно, препятствовало укреплению «нового порядка», грабежу населения и угону советских граждан в неволю. Попытки действовать против партизан силами только охранных войск из местных гарнизонов успеха не имели. Немцы начали, по-видимому, готовить солидную карательную экспедицию. Несколько позже наши предположения полностью оправдались.

Выполнив задание командования, отряд маршем двигался к расположению бригады. Отдохнувшие за день и хорошо покормленные кони весело бежали. За ночь мы без всяких помех проехали большую часть пути и к рассвету уже выехали в Кудеверский район. Надо было дать отдохнуть коням, и самим немного отдохнуть и перекусить. Остановились в небольшой деревушке. Прошло около двух часов. Всё было спокойно. Коня жевали сено, а ребята, плотно позавтракав, дремали по хатам.

И вот этот покой разорвал звук выстрела, донесшийся с окраины деревни. А следом за ним в хату вбежал часовой с сообщением, что со стороны Кудевери показались всадники, которые после выстрела с нашего поста спешились и залегли у дороги. Тревога! Тов. Токарев высылает к посту отделение с ручным пулеметом. Кони выведены на дорогу, люди готовы к бою. Идем с Токаревым на край деревни к посту. Выясняется, что всадников было восемь и что они уехали обратно. Видимо — разведка.

Местность вокруг деревни мало удобная для боя, да и с боеприпасами у нас бедно. Решаем продвинуться дальше до более лесистых мест. Оставляем в деревне отделение с пулеметом на двух санях для прикрытия нашего отхода. Подъезжаем к следующей деревне и ждём отделение. Вот уже наши люди подъезжают к околице, а в 500–600 метрах за ними галопом вылетает человек 20 всадников. Короткая очередь нашего РПД заставляет их круто повернуть обратно.

В это же время ребята заметили, что справа, в километре от нас, движется ещё цепочка всадников до 50 человек с целью охватить деревню. Снова оставляем отделение, а сами выезжаем в следующую деревню, которая в полутора километрах дальше. Сзади слышны несколько коротких очередей, и справа мы видим, как конники повернули обратно.

— Отстали, — говорит Борис Владимирович. — Дальше вряд ли сунутся. Здесь где-то Карликов должен быть.

Выехали на пригорок, поросший кустами, и остановились в ожидании прикрывающего отделения. Стоим и гадаем, что это за кавалерия здесь появилась. В бинокль видно, что это не немцы. А конной полиции мы до сих пор ещё не видели. Токарев смотрит на карту. В трёх километрах — деревня Камешка. Там сделаем последний привал, чтоб к вечеру быть «дома».

В Камешках остановились, выставили усиленную охрану. Подкармливаем лошадей, отдыхаем сами. Со стороны фронта слышен звук самолётов. И вот с тяжёлым надрывным воем над деревней появляются два бомбардировщика. Идут на очень небольшой высоте. Уже проходят деревню. Но что это? Один из

них круто ложится на крыло, снижается и делает над деревней два круга.

— Ну, жди «гостинцев», — говорят ребята. Но никто не шевелится. Командир отряда выхватывает из саней ракетницу, и когда самолёт начал делать третий разворот, выпускает красную ракету. Самолёт выравнивается, несколько раз покачивает крыльями и уходит вслед за первым. Мы — в недоумении. Я, улыбаясь, спрашиваю Бориса Владимировича, зачем он это сделал. Тот смеется: «Я показал ему, что здесь свои».

Может быть, действительно немец так понял — не знаю. Но он ушел. А мы вскоре собрались и двинулись дальше. Прикрывающему отделению было приказано сниматься через 30 минут. Едем шагом и часто оглядываемся назад, ожидая, что отделение вот-вот нас нагонит.

Проходит около часа. Я останавливаю отряд. Скрип саней прекратился, и мы ясно слышим сзади выстрелы. Прошло несколько минут, и в ясном морозном воздухе послышался взрыв гранаты. Снова все стихло. Ещё несколько минут — снова несколько выстрелов. Командир отряда со взводом и двумя пулемётами направляется в деревню Камешки.

Когда они прибыли туда, то услышали только плач женщин и увидели труп разведчицы Ильиной Тамары. Так что же произошло? По истечении 30 минут отделение село на лошадей и двинулось за отрядом. В последние сани сели Тамара и Вася Налетов. Они немного замешкались и отстали на каких-то 100–150 метров. И в этот момент в середину деревни ворвалось до полусотни конников. Вася с Тамарой, соскочив с саней, бросились за дом на огорода. За ними кинулись спешившиеся каратели. Началась стрельба. Вася упал около дома, а Тамара стала отстреливаться из-за сарая, стоявшего в огороде. По ней стреляли из ближайших домов, из-за соседних бань, постепенно сжимая кольцо. Выстрелы Тамариного карабина становились все реже и реже. Отовсюду ей кричали, чтобы она сдавалась. Наконец, карабин смолк, и враги подступили к самому сараю. Но... взрыв гранаты заставил остановиться наиболее горячих. И снова заговорили винтовки. Наконец, враги поняли, что сопротивление прекратилось. Осторожно подойдя к сараю, они увидели труп девушки.

Комсомолка студентка Калининского пединститута, русская девушка Тамара Ильина предпочла смерть от собственной гранаты позорному плену. Так умирали герои. Теперь одна из улиц нашего областного центра г. Калининна носит гордое имя своей славной дочери Тамары Ильиной²⁶.

...9-го марта я выехал в бригаду т. Карликова с целью согласовать наши действия, узнать, какими разведывательными сведениями они располагают и поделиться своими. Штаб бригады т. Карликова стоял в деревне Давыдово на берегу маленького озера. Здесь я застал троих разведчиков из бригады т. Максименко. Ребята рассказали о том, что в последние дни начали прибывать немецкие части из-под Старой Руссы и располагаться в Новоржеве, Турове, Бежаницах, Локне и Самолукове. У разведки т. Карликова были основания утверждать, что от Новоскольников на станции Забелье и Пустошка прибыла часть с артиллерией и тремя танками. Мы знали, что и в Опочку прибыла колонна около сотни автомашин с пехотой и остановилась в ближайших к городу селах, а часть машин ушла в Пушкинские Горы. Всё говорило о том, что против нас готовится крупная экспедиция.

Наша бригада к этому времени имела в своём составе семь отрядов, из которых три дислоцировались далеко от штаба бригады: отряд т. Александрова — в северной части Белоруссии, отряд т. Никоненка — недалеко от Идрицы, отряд т. Хоменко — у Ленинградского шоссе на участке Водобег — Мутовозово. Приказ ШПД предлагал нам перейти к диверсионно-разведывательным действиям, что требовало ежедневной координации действий отрядов. Вот почему 13 апреля 1943 года последовал приказ по 2-й Калининской партизанской бригаде № 13: «В целях приближения руководства разведывательно-диверсионными отрядами по территориальности согласно приказа по бригаде № 12 от 12 апреля 1943 г. зам. командира бригады по разведке находиться при отряде им. Фрунзе с разрешением ему для улучшения оперативности права самостоятельной отдачи боевых приказов и распоряжений командирам отрядов им. Фрунзе, «Народный мститель» и «За Родину». Его подписали командир бригады

Шиповалов, и. о. комиссара Тухто, начальник штаба Кудряшов.

Во исполнение этого приказа я с небольшой группой разведчиков, в которую входила Ина, Миша Петров, Всеволод Иванович Горбач²⁷ (ныне доктор философских наук, работает в Белорусской академии наук), будущий заместитель командира отряда «Народный мститель», выехали в расположение отряда т. Никоненка.

Четыре отряда бригады во главе с комбригом продолжали действовать в Новоржевском и Кудеверском районах. С каждым днём обстановка в этом районе усложнялась, но прояснились и намерения противника — готовилась крупная карательная экспедиция против северной группировки калининских партизан. Экспедиция имела задачу — сосредоточившись на дальних подступах к партизанскому району, одновременным выходом со всех направлений захватить в кольцо наши соединения и, сжимая это кольцо, полностью уничтожить партизан. Для большей уверенности в непроницаемости кольца последние были разбиты на четыре эшелона, из них первые три вели наступательные операции, а четвёртый занимал обратную оборону.

К 18 апреля наша бригада располагалась в деревнях Богданово, Абрамкино, Луневка и Гром (севернее Кудевери), бригада т. Бабакова находилась в деревнях Давыдово и Мелехово (17 километров северо-западнее Кудевери), бригада т. Карликова — в районе деревни Мелково (13 километров севернее Кудевери). Утром 18 апреля нашими разведчиками было обнаружено движение противника со стороны Новоржева, а около 10.00 разведка уже обстреляла его передовые части в районе деревни Руднево. Бригада заняла оборону в районе деревни Лунёвка.

К 13.00 передовые части противника вышли на рубеж обороны и были встречены огнем отрядов бригады. Все атаки противника на высоты, занятые бригадой, успеха не имели, и вплоть до 2.00 19 апреля бригада не сошла с занимаемых ею позиций.

В 2.00 19 апреля бригада под покровом ночи снялась и к рассвету вышла в район погоста Лобно (9 километров севернее Кудевери). Соседние бригады вышли в районы Калкишкино — Красково. На пути отхода

были установлены мины и разрушено четыре моста. День 19 апреля прошёл в усиленной разведке обеих сторон.

В 9.00 20 апреля противник повёл наступление на наше расположение. Особенно ожесточёнными были атаки на деревню Садки, обороняемую отрядом т. Максимова, переходившую в течение дня из рук в руки несколько раз.

В 2.00 21 апреля по согласованию с соседями бригада вышла в район деревни Давыдково, прикрывая отход других бригад. Головной отряд бригады Бабакова, встретив противника в районе Большое Косарево, после получасового боя отошёл в лес вместе с другими бригадами.

К 9.00 21 апреля противник, подтянув силы, окружил лес и начал усиленный обстрел из миномётов и группами автоматчиков. Огонь противника в первый момент вызвал замешательство в рядах партизан. Часть отрядов соседей в беспорядке начала отходить на северо-запад, но была встречена огнём автоматчиков. Усилиями нашей и бригады т. Бабакова через час удалось восстановить положение. Особенно следует отметить стойкость пулемётного взвода т. Коновалова, который огнём своих четырёх станковых пулемётов сдерживал напор противника и тем дал возможность другим отрядам бригады занять боевой порядок.

Но кольцо врагов сжималось. Их силы значительно превосходили наши. Враг уже торжествовал победу. Около четырёх часов пополудни над лесом появился немецкий самолет. Партизаны ждали бомб и, откровенно сказать, чувствовали себя совершенно беззащитными против такого оружия. Но вместо бомб на их головы посыпались розовые листочки бумаги. Вот передо мной лежит одна из этих листовок: «Партизаны! Час вашего уничтожения ближе, чем вы предполагали. Вы окружены со всех сторон. Кольцо окружения, которое молниеносно замкнуто Германской армией, вам уже не прорвать... Переходите добровольно к нам».

Враг рассчитывал на лёгкую победу, но он жестоко просчитался. Через два часа немцы, видя, что их листовки не произвели ожидаемого впечатления на партизан, перешли к решительным действиям. В ход пошли тяжё-

лые миномёты, а огонь пулемётов и автоматов превратился в шквал. Атака следовала за атакой. Но наши люди стойко держались, ибо они знали, что только выдержка, спокойствие и отвага помогут им вырваться из этого кольца. На самых ответственных участках были наши политработники, коммунисты, комсомольцы. Они своим примером поддерживали дух бойцов, успокаивали больных и раненых, поддерживали в людях уверенность в благополучном исходе операции. Все с нетерпением ждали наступления темноты.

Наконец, солнце спряталось за горизонт. Бригада, прикрываясь небольшими группами пулемётчиков и автоматчиков, имея в голове разведотряд т. Токарева, начала выход из окружения через леса и болота, через разлившиеся к этому времени ручейки и речки. К 23 апреля без больших потерь, в полном составе, сохранив боеспособность, она вышла из первого кольца противника в район деревень Бакалово — Алексеево, что в 20 километрах восточнее Кудевери.

Идя по колено в вешней воде, переходя вброд разлившиеся речки и ручьи, не имея продовольствия, без отдыха и сна, люди не потеряли бодрости и уверенности в успехе. К утру 23 апреля в этот район вышли и остатки бригад Бабакова, Карликова и Максименко, которые выходили из окружения мелкими группами и в значительной мере были рассеяны противником. Они заняли оборону на стыках наших отрядов. К 12 часам появилась разведка, а к 14 часам подошли и главные силы численностью до 1500 человек. До позднего вечера шёл бой. Немцы весь день атаковали наши подразделения на различных участках, но так и не могли сбить нас с занимаемых позиций.

С наступлением темноты бригада снова сделала бросок, теперь уже в район Скокова как более богатый лесами. Но окончательно скрыть следы было невозможно, так как иссякший у людей запас продовольствия вынуждал нас заходить в населённые пункты на заготовку продуктов, а противник постоянно контролировал эти селения. Исходя из сложившейся обстановки, командование бригады решило перейти большак Скоково — Забелье и форсировать реку Великая. Отряду т. Мартынова было приказано выйти в район

деревни Толчая на высоту 207, 7 и, оседлав большак, прикрыть переправу в направлении деревни Мельница. Отряд к 10.30 27 апреля достиг намеченного пункта и принял боевой порядок.

К 12 часам показалась группа всадников силою до взвода (2-й казачий батальон), патрулировавшая этот участок. Подпустив их на короткую дистанцию, отряд внезапным огнем налётом уничтожил 7 изменников, из них одного офицера, и рассеял остальных. В качестве трофеев было захвачено 2 автомата, 3 винтовки, 2 пистолета, топографические карты, инструкция по борьбе с партизанами, списки и фотографии всего личного состава эскадрона и другие документы. Список с адресами изменников и их фотографии были направлены в ШПД.

Остальные подразделения бригады в это время благополучно форсировали реку Великая и вышли в леса, что в северо-восточной части Пустошкинского района. Ведя разведку на предмет окончательного выхода из окружения, бригада в то же время не прекращала диверсий на коммуникациях врага. Немцы, между тем, продолжали преследование бригады и усиленно разыскивали её, прочёсывая отдельные участки леса. В течение почти месяца нам удавалось избегать крупных столкновений с противником, хотя мелкие стычки с его разведкой были очень частыми.

Наконец, 24 мая карателям всё же удалось установить расположение бригады, и они предприняли новую попытку разгромить её. В районе деревни Белый Мешок противник начал наступление сразу с трёх направлений силою в 500–600 человек, стремясь захватить нас в клещи. Но наша разведка своевременно предупредила командование бригады о намерениях противника, и наши отряды подготовились к встрече врага.

Первым вступил в бой отряд тов. Заритовского²⁸, на который двигалась колонна со стороны деревни Новое Сенютино. Встреченная дружным огнём партизан, она откатилась, оставляя убитых и раненых. Вторая колонна была встречена отрядом тов. Мартынова, который в первый момент не выдержал натиска противника и стал, было, отходить, но, оправившись, перешёл в наступление.

Немцы не выдержали и в панике бросились бежать, бросая оружие и убитых. Против третьей колонны была устроена засада на дороге от Сенютина к Ивахнову отрядами тт. Максимова и Токарева. Последнему было приказано зайти в тыл этой колонне. Не успел т. Токарев выйти на указанный ему рубеж, как по колонне был открыт внезапный огонь. Немцы заметались в панике и бросились вплавь через реку Алоль, которая в этом месте довольно глубока и быстротечна. Так что очень многие из них не смогли выбраться на противоположный берег. По окончании боя наши бойцы только на одной небольшой сопочке нашли 11 трупов немцев, а в общем в результате этого боя противник потерял около 90 человек, 3 пулемета, 3 автомата, 6 винтовок, 3 пистолета и другое имущество. Из документов, взятых у убитых, было установлено, что в составе этой экспедиции были 36-й запасной стрелковый и 35-й саперный батальоны.

На следующий день бригада перешла шоссе Ленинград — Киев и на этот раз окончательно оторвалась от преследования карателей. В тяжёлых боях с далеко превосходящими силами противника, в условиях полного окружения, полураздетая, голодная, без достаточного запаса боеприпасов, бригада сумела преодолеть все препятствия, потеряв в этих боях 15 человек убитым, 12 ранеными и около 50 — пропавшими без вести, большая часть которых впоследствии оказалась в бригадах тт. Карликова и Бабакова и у ленинградцев. В боях только с нашей бригадой противник потерял свыше 300 человек.

«Операция всем нам очень понравилась...»

К весне 1943 года в западных районах Калининской области появились части противника, созданные из изменников — власовские подразделения, так называемые национальные легионы (армянский, грузинский, татарский) и «казачьи» батальоны. Эти части формировались из военнопленных, большинство которых составляли люди, пришедшие в эти формирования из-за нечеловеческих мук в фашистских лагерях, под угрозой неминуемой смерти от непосильного труда и голода и, нередко, в надежде на побег из

плена. Конечно, были в них, в особенности в так называемых казачьих батальонах, и уголовники, и репрессированные советской властью, и из кулацко-помещичьих слоёв, и всякое другое отребье. Подразделения эти предназначались, прежде всего, для охраны тыловых военных объектов, а «казаки» — и для борьбы с партизанами.

Мы поставили перед собой задачу: разложить эти формирования, вернуть заблудившихся в свои ряды, уничтожить закоренелых предателей и тем самым уменьшить силы врага.

В середине мая ко мне пришёл боец отряда т. Никоненка Хлыстов Тимофей Илларионович и доложил, что к гражданке Федотовой Фаине, живущей на хуторке Каменка против деревни Гужово Опочецкого района, что на реке Великой, несколько раз заходил солдат-армянин из гарнизона Гужово и расспрашивал о партизанах. На вопрос Федотовой, уж не хочет ли он перейти к партизанам, солдат ответил, что ему хотелось бы увидеться с партизанами и поговорить. По нашим сведениям, гарнизон состоял из 35–40 человек, имел в своём распоряжении несколько миномётов и пулемётов, окружён окопами и проволочными заграждениями, является передовым форпостом более крупного гарнизона (свыше 200 человек) в населённом пункте Есенники, что на железной дороге Идрица — Псков. Солдаты этого гарнизона выдают себя за итальянцев. Ещё в марте партизанами отряда т. Никоненка был взят в плен один из этих «итальянцев» из другого гарнизона, и мы уже знали о них.

Захватить Гужово было очень заманчиво, и я начал работу с гарнизоном. Дело усложнялось тем, что солдат мог приходиться на хутор только днём, так как ночью переход через реку Великую был запрещён. Подходы к хутору открыты и хорошо просматривались из Гужова.

Взяв с собою своего ординарца Ваню Лопатко, отправляюсь на хутор первый раз ночью. Условился, что т. Федотова договорится о встрече с Гурgenом, так звали солдата, через день в 12 часов. Настал этот день. Снова мы приехали с Ваней. Оставив Лопатко с конями в 200 метров от хутора, иду в дом Федотовой. Встречает хозяйка и с улыбкой

указывает на дверь в дом. Вхожу. Передо мной встаёт одетый в немецкую форму человек, вытягивается, берёт под козырек и щёлкает каблуками:

— Товарищ капитан...

— Ну, с «товарищем»-то пока подожди, а вот лучше расскажи, что заставило тебя просить об этом свидании?

Вначале он просил принять его в партизаны. Меня это не устраивало, и я поставил условием перевод всего гарнизона, и обязательно с оружием, и привод командиров. Гурген обещал сделать все, что в его силах, но просил меня еще раз приехать увидеться с ещё несколькими солдатами и договориться о деталях. Пришлось приехать через день ещё раз. Теперь уже на свидание пришли три человека, причём, два из них — с винтовками.

— Что, боитесь?

— Нет, это для маскировки. Пошли, чтоб поискать на хуторе лодку. А без оружия выходить нельзя.

Улыбаюсь и говорю, что я, вот, выхожу к ним без оружия. В этот раз мы условились о переходе гарнизона в ночь на 26 мая. Ночью же 25 мая я должен был ещё раз приехать на берег Великой с тем, чтобы окончательно уточнить все детали. Солдаты принесли с собой бутылку какого-то французского вина, полученного накануне, и мы скрепили наш договор кружкой вина.

Ночью 25 мая приехали с Ваней прямо на хутор. Он остался с конями, а я ушёл на условленное место на берег Великой.

Была чудная тёплая майская ночь. Повсюду пели соловьи. Их было так много и они пели так громко, что за их пением я не мог услышать приближения ко мне людей. А, говоря откровенно, доверять полностью было нельзя, надо было быть весьма осторожным. Могли окружить и захватить живьем. Я пытался прекратить пенье соловьев, бросая в кусты сучки, но певцы были так увлечены, что все мои попытки успеха не имели.

Наконец, я услышал шорох и условленный тихий свист. Пришли двое. Всё идёт хорошо. Группа в 12 человек подготовлена, а с остальными будет легко справиться. Прощаемся до следующей ночи.

25 мая вечером выступили с отрядом Никоненка. С наступлением темноты подош-

ли к Гужову. Осторожно начали переправу по двум переброшенным через реку брёвнам. Переходить одновременно мог только один человек. Вижу, что так нам и до утра не переправиться. Подходит начштаба отряда тов. Полукеев и говорит, что он знает брод немного выше по течению. Приказываю взять два взвода и переправиться вброд.

Проходит с полчаса. Перехожу на другой берег, там уже подходят армяне, несут оружие и боеприпасы. Несколько бойцов занимаются обратной переправой трофеев, а мы идём в гарнизон. Всё спокойно. Расходимся по заранее намеченным домам, где спят комроты и его помощники. Через 30 минут уже выводят пленных.

Постовой докладывает, что к деревне подходит группа людей. Это отделение, находившееся в засаде, возвращается в гарнизон. Со мною нет людей. Подзываю проходящую мимо Ину и партизана Лёшу Ходюка, который вёл трофейную лошадь. Идём навстречу отделению. Армянин что-то кричит на своём языке. Вижу, как из предрассветного тумана показывается человек с ручным пулемётом на плече, а за ним — люди с винтовками. Сближаемся. Я громко кричу:

— Здравствуйте, товарищи!

Это так ошеломило солдат, что они растерялись, а Ина, подбежав к первому, схватилась за винтовку и тот отдал её молча, без сопротивления. Армянин что-то горячо говорит пулемётчику, а я в это время снимаю с его плеча пулемёт и передаю Ходюку. Подбегает группа партизан и обезоруживает остальных

солдат. Всё это заняло каких-то одну-две минуты, и обезоруженное отделение уже шагает к переправе.

Как после рассказывали сами солдаты, они всё поняли и полупоняли только тогда, когда, уже перейдя на другой берег Великой, в наступившем рассвете увидели красные ленты и звёздочки на головных уборах партизан. В результате без выстрела было взято 38 человек, 1 миномет, 3 пулемёта, 33 винтовки, 9 пистолетов, 100 мин, 10 000 патронов, 4 лошади и склад с продовольствием.

Проведенная операция всем нам очень понравилась, и мы начали готовиться к подобной же, но теперь с более солидным гарнизоном в селе Есенники. Через одного из перешедших к нам армян мне удалось связаться с гарнизоном Есенник. Установили контакт с группой в 8 человек и уже наметили день захвата гарнизона и перехода его к нам.

Но среди солдат-армян нашёлся предатель, который выдал командованию батальона планы диверсии. Я с отделением разведки выехал к Есенникам. Но там встретил лишь 5 человек, успевших убежать. Накануне вечером прибывшим большим отрядом немцев гарнизон был разоружен и отправлен в неизвестном направлении.

Уже позже — летом 1943 года нам удалось перевести на свою сторону много «власовцев», а также солдат из «грузинского легиона». Подобную же работу проводили и другие бригады среди солдат армян, поляков, латышей и французов.

Примечания

- ¹ Разумов Василий Васильевич (1914–21.10.1942) — командир 1-го Калининского партизанского корпуса со дня его формирования до своей гибели в тылу врага.
- ² См. подробнее: Никитенко Н. В. Первый Калининский партизанский корпус: к истории создания и боевой деятельности // Материалы шестых Псковских архивных чтений. 14–16 ноября 2011 года. Псков. 2012. Сс. 268–282.
- ³ Штрахов Алексей Иванович (18.07.1908–15.02.1981) — комиссар 1-го Калининского партизанского корпуса (август — октябрь 1942 г.), затем — руководитель оперативной группы штаба партизанского движения Калининского фронта в тылу врага, представитель Центрального штаба партизанского движения на оккупированных территориях Калининской области РСФСР и Витебской области БССР.
- ⁴ Веселов Иван Иванович (1916–31.03.1943) — начальник штаба 1-го Калининского партизанского корпуса (август — октябрь 1942 г.), заместитель руководителя оперативной группы штаба партизанского движения Калининского фронта в тылу врага (декабрь 1942 г. — март 1943 г.)
- ⁵ Рындин Петр Васильевич (1913–1982) — командир 2-й (август 1942 г. — март 1943 г.), 6-й (июнь — ноябрь 1943 г.) Калининских партизанских бригад.
- ⁶ Автор имеет ввиду боевые действия 2-й бригады, когда она, дислоцируясь в д. Купуй Великолукского района, совершала отдельными отрядами и группами выходы в тыл врага, а затем — в июле — августе 1942 г., — в полном составе — свой первый рейд по оккупированной территории во главе с комбригом Г. Н. Арбузовым.
- ⁷ Константинова Инесса Александровна (Ина Константинова) (30.07.1924–04.03.1944) — боец-разведчица 2-й Калининской партизанской бригады, дочь А. П. Константинова. Погибла в тылу врага, прикрывая отход своих товарищей.
- ⁸ Далее в рукописи — пробел. Видимо, автор планировал вернуться к описанию своих размышлений.
- ⁹ Лекомцев Пётр Васильевич (23.09.1913–24.02.1944) — комиссар 2-й (июль – ноябрь 1942 г.), 12-й (март 1943 г. — январь 1944 г.) Калининских партизанских бригад.
- ¹⁰ Александров Андрей Андрианович (1910–...) — командир отряда «Народный мститель» (ноябрь 1942 г. – июль 1943 г.), комиссар 2-й бригады (июль — октябрь 1943 г.) Одновременно выполнял обязанности секретаря Пустошкинского подпольного райкома ВКП(б).
- ¹¹ Шалахово — деревня на территории Пустошкинского района Псковской области, ныне — центр волости.
- ¹² Арбузов Георгий Николаевич (05.1913–13.08.1942) — командир 2-й Калининской партизанской бригады со дня её формирования до своей трагической гибели в тылу врага.
- ¹³ Салазко Нина Ивановна (по мужу — Рындина) (09.08.1923–2010) — заместитель комиссара 2-й Калининской партизанской бригады по комсомолу, инструктор Калининского обкома ВЛКСМ по работе в тылу врага.
- ¹⁴ Котляров Павел Константинович (11.07.1919–01.2009) — начальник штаба 2-й Калининской партизанской бригады (июль 1942 — март 1943г), заместитель командира 6-й партизанской бригады по разведке (июнь — ноябрь 1943 г.).
- ¹⁵ Зайцев Геннадий Михайлович (1924–28.10.1994) — боец-подрывник, заместитель комиссара 6-й Калининской партизанской бригады по комсомолу.
- ¹⁶ Охотин Родион Артемьевич (24.04.1907–8.08.1972) — командир белорусской партизанской бригады имени Сталина (июль 1942 г. — ноябрь 1943 г.), одновременно входил в состав Россонского подпольного райкома партии.
- ¹⁷ Никоненок Иван Константинович (1910–1991) — командир отряда имени М. В. Фрунзе 2-й Калининской партизанской бригады (октябрь 1942 г — май 1944 г.), командир 16-й Калининской партизанской бригады (май — июль 1944 г.).
- ¹⁸ Фамилия в рукописи отсутствует.
- ¹⁹ Тухто Борис Федорович (09.08.1908–15.02.1986) — комиссар 2-й Калининской партизанской бригады (апрель — июль 1943 г.) Одновременно — с марта 1943 г. — секретарь Пустошкинского подпольного райкома партии. С декабря 1943 г. — председатель Пустошкинского райисполкома.
- ²⁰ 6-й партизанской бригадой в то время командовал В. Г. Семин. Карпенков Василий Платонович (7.01.1917–13.12.1977) — с июня 1942 г. по ноябрь 1943 г. — командир партизанского отряда «Смерть фашизму», входившего в состав 6-й бригады.
- ²¹ На самом деле П. В. Рындин, комиссар бригады (он же — первый секретарь Пустошкинского подпольного райкома ВКП(б)) С. И. Ермаченков и начальник штаба бригады П. К. Котляров были ото-

- званы в советский тыл. В июне 1943 г. Рындин был назначен командиром 6-й Калининской партизанской бригады, а Котляров — начальником штаба этой бригады, которая действовала в основном в Невельском районе до соединения с частями Красной Армии в ноябре 1943 г. (См. Рындин П. В. Спустя 20 лет. Воспоминания. 1962. Машинопись. Пустошкинский историко-краеведческий музей).
- ²² Шиповалов Николай Васильевич (5.12.1912–06.1983) — командир 2-й Калининской партизанской бригады (март — ноябрь 1943 г.)
- ²³ Бабаков Григорий Федорович (1908–18.03.1954) — командир 13-й Калининской партизанской бригады (январь 1943 г. — июль 1944 г.)
- ²⁴ Карликов Михаил Прокофьевич (15.11.1915–6.03.1979) — командир 8-й Калининской партизанской бригады (февраль 1943 г. — июль 1944 г.)
- ²⁵ Максименко Сергей Михайлович (25.08.1914–2.06.1943) — командир партизанской бригады имени Лизы Чайкиной со дня её формирования до своей гибели в тылу врага.
- ²⁶ Ильина Тамара Ивановна (1921–15.03.1943) — боец-разведчица 2-й Калининской партизанской бригады. Награждена орденом Отечественной войны I степени (посмертно), медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.
- ²⁷ Горбач Всеволод Иванович (1921–1981) — боец-разведчик 2-й Калининской партизанской бригады.
- ²⁸ Заритовский Григорий Федорович (20.01.1919–09.02.1981). В партизанском движении — с февраля 1942 г. по июль 1944 г.: командир диверсионной роты отряда «Смерть фашизму», командир отряда «За родную землю», начальник штаба 2-й Калининской партизанской бригады.